

11 октября 2021

10.00–11.00 — **Пленарное заседание**
Зал ученых советов

Приветственные слова

Виталий Вячеславович Наумкин, научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН

Аликбер Калабекович Аликберов, директор Института востоковедения РАН

Наталья Геннадиевна Романова, заместитель директора Института востоковедения РАН

Ирина Федоровна Попова, директор Института восточных рукописей РАН, член-корреспондент РАН

Борис Ванданович Базаров, научный руководитель Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, академик РАН

Николай Николаевич Крадин, директор Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, член-корреспондент РАН

Владимир Григорьевич Дацышен, доктор исторических наук, профессор (ИДИ РАН)

Александр Дмитриевич Васильев, председатель Совета молодых ученых ИВ РАН, директор Международного Российско-Турецкого центра РГГУ (ИВ РАН, РГГУ)

Динара Викторовна Дубровская, заведующая Отделом истории Востока ИВ РАН

Уважаемые участники конференции, напоминаем, что время выступления с пленарными докладами — 15 минут, с секционными докладами — 10 минут (далее – 5 минут на обсуждение и вопросы). Время, указанное в программе, московское (UTC+03:00).

Очень просим вас придерживаться регламента, иначе вы не успеете на кофе-брейк

11.00–11.30 — кофе-брейк

11.30–14.00 — **Пленарное заседание**
Модератор: *А. Д. Васильев*

Зайцев Илья Владимирович (Институт востоковедения РАН, Государственный музей Востока). Дмитрий Дмитриевич Васильев, каким я его помню

Кормышева Элеонора Ефимовна (Институт востоковедения РАН). Воспоминания о Дмитрие Дмитриевиче Васильеве

Псянчин Айбулат Валиевич, Псянчин Юлай Валиевич (Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН). Д. Д. Васильев и Башкортостан

Аликберов Аликбер Калабекович (Институт востоковедения РАН). О методах датировки арабографических эпиграфических текстов на Кавказе

Васильев Александр Дмитриевич, Васильев Дмитрий Дмитриевич (Институт востоковедения РАН, РГГУ). Новый метод цифровой прорисовки рунических надписей

Альылмаз Чингиз (Университет Бурсы). On the Identity, Sageness and Inscriptions of Bilge Tonyukuk

Столяров Александр Александрович (Институт востоковедения РАН, РГГУ). Три четверти века журнала «Эпиграфика Востока»

Бухарин Михаил Дмитриевич (Институт всеобщей истории РАН). Памятники античной эпиграфики из Южной Аравии

Бутанаев Виктор Яковлевич (Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова). Камнерезное искусство письма кыргызов Енисея

Гаджиев Муртазали Серажутдинович (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН). Арабская эпиграфика Дербента / Баб ал-абваба: открытия XXI века (к 300-летию изучения эпиграфики Дербента)

14.00–15.00 — Обед

15.00–17.30 — Секция I. **От находок к открытиям:
теория и практика эпиграфических исследований**

Модератор: *В. В. Прудников*

Авдеев Александр Григорьевич (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Университет Дмитрия Пожарского), **Свойский Юрий Михайлович** (лаборатория RSSDA). Свод русских надписей (CIR) и инструменты его составления

Усманова Диляра Миркасымовна (Институт международных отношений Казанского федерального университета). Эпиграфические аспекты в деятельности Археографических экспедиций КГУ в 1960–1980-х гг. (по материалам экспедиционных дневников М. А. Усманова)

Акопян Александр Владимирович (Институт востоковедения РАН),
Каретников Олег Валентинович (Бахчисарай). Новые памятники армянской
эпиграфики XVII–XIX вв. из Крыма (подписная мелкая пластика)

Гайнутдинов Айдар Марсилевич (Институт истории им. Ш. Марджани
АН Республики Татарстан, Казань). Результаты исследований мусульманских
некрополей Казани

Мусаев Махач Абдулаевич (Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН). Датированные
памятники XI–XVII вв., выявленные Дагестанской эпиграфической экспеди-
цией в 2017–2021 гг.

Jan E. M. Houben (Ecole Pratique des Hautes Etudes; PSL Research
University, Paris), **Saraju Rath** (International Institute of Asian Studies, Leiden).
Some Siddham Inscriptions in China: Paleography and Ritual Function

Прудников Виталий Владимирович (Институт востоковедения РАН).
«A pulus et Calaber, Siculus mihi servit et Afer»: к вопросу о надписи на мече
короля Сицилии Рожера II

17.30 — ФУРШЕТ и закрытие первого дня работы конференции

12 октября 2021

Секционные заседания

10.00–13.00 — Секция I. **Тюркская и монгольская эпиграфика**

Зал ученых советов

Модератор: *Ю. И. Дробышев*

Тишин Владимир Владимирович (Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН). Еще раз о термине *el* в памятниках древнетюркской
рунической письменности

Белек Кайрат (Кыргызско-Турецкий университет «Манас»). К интерпре-
тации в свете сообщений вновь открытой Тосорской надписи

Бутанаев Виктор Яковлевич (Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова). Новые памятники древнетюркской рунической письмен-
ности в Хакасии.

Васильев Дмитрий Дмитриевич, **Дробышев Юлий Иванович** (Институт
востоковедения РАН). Руническая надпись из Южной Монголии

Туранская Анна Александровна, Козинцев Марк Альбиевич (Институт восточных рукописей РАН). Эстампажи енисейских рунических памятников из коллекции Института восточных рукописей РАН

11.00–11.30 — кофе-брейк

Настич Владимир Нилович (Институт востоковедения РАН). Тюркские элементы в оформлении монет мусульманской Средней Азии

Ванчикова Цымжит Пурбуевна (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН). О каменных надписях в Бурятии

Мамлеева Эльвира Рафаэловна (Башкирский государственный художественный музей им. М. В. Нестерова). Эпиграфические памятники коллекции башкирского народного декоративно-прикладного искусства в собрании БГХМ им. М. В. Нестерова и проблемы их дешифровки

Сайфетдинова Эльмира Гадельяновна (Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, Казань). Эпиграфический памятник ордынской княжны Тулбии (XIV в.)

Аверьянов Юрий Анатольевич (Институт востоковедения РАН). Эпиграфические источники на османско-турецком языке из селения Хаджибекташ и его окрестностей (провинция Невшехир, Турция)

13.00–14.00 — Обед

14.00–17.30 — Секция II. Эпиграфика Кавказа и Крыма

Зал ученых советов

Модератор: *И. В. Зайцев*

Акопян Айк Ерджаникович (Институт древних рукописей имени Месропа Маштоца, Матенадаран; Институт Археологии и этнографии НАН Армении), **Абдулмажидов Рамазан Султанович** (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН), **Хапизов Шахбан Магомедович** (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН). Эпиграфика на армянском языке в Дагестане

Бобровников Владимир Олегович (Институт востоковедения РАН, НИУ Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге), **Шехмагомедов Магомед Гаджиевич** (Институт истории, археологии, этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН). Гибридные надписи дагестанских

зийаратов XVII–XIX вв. к вопросу об эпиграфическом изучении коллективной памяти исламизации

Гаджиев Муртазали Серажутдинович (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН), **Гасанов Магомедрашид Анварбекович** (Дагестанский государственный университет). Саркофагообразный надмогильный памятник с куфической эпитафией мусульманского некрополя Дербента XI–XII вв.

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович (Дагестанский государственный университет). К интерпретации имени эмитента одной монетной легенды XII–XIII вв. (Ширван и Дербент)

Закарияев Замир Шахбанович (Дагестанский государственный университет). Арабская эпиграфика лезгинских селений Маза и Миджах (XI–XVI вв.)

Хапизов Шахбан Магомедович (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала). Аварские грузинографические надписи из Дагестана (X–XIV вв.)

15.30–16.00 — кофе-брейк

Шихалиев Шамиль Шихалиевич (Институт востоковедения РАН, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН / University of Amsterdam), **Чмилевская Илона Алексеевна** (Институт востоковедения РАН). Новые эпиграфические данные о походе войск Тамерлана в Дагестан в 1396 г.

Салгиреев Асланбек Мавлдинович (Институт востоковедения РАН; НИУ ВШЭ). К вопросу об истории торговых путей на территории Чеченской Республики (по материалам находок куфических дирхемов)

Зайцев Илья Владимирович (Институт востоковедения РАН, Государственный музей Востока). Неопубликованные памятники арабской эпиграфики Северного Кавказа из собрания Государственного музея Востока

Каишовская Наталья Васильевна (Музей истории религии). К истории иудейской общины на пл. Мангуп (по данным эпиграфики)

Скаков Александр Юрьевич (Институт востоковедения РАН), **Джопуа Аркадий Иванович** (Абхазский государственный музей), **Акопян Александр Владимирович** (Институт востоковедения РАН), **Виноградов Андрей Юрьевич** (Институт востоковедения РАН; Школа исторических наук НИУ ВШЭ). Новые находки эпиграфических памятников византийского периода на городище древнего Гиеноса (Абхазия)

Helen Giunashvili (George Tsereteli Institute of Oriental Studies / Ilia State University, Tbilisi). Old Aramaic Epigraphy of Georgia: Issues of Current Studies

Абдулмажидов Рамазан Султанович (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН). Эпиграфические памятники сел. Бежта: опыт исследования

Тахнаева Патимат Ибрагимовна (Институт востоковедения РАН). Атрибуция и эпиграфика памятников шахидов Кавказской войны кладбища с. Дышни-Ведено (1842–1852 гг.)

13 октября 2021

Секционные заседания

10.00–13.00 — Секция I. **Эпиграфика Древнего Египта и Мезоамерики**
Зал ученых советов
Модератор: *Д. Д. Беляев*

Демидчик Аркадий Евгеньевич (Санкт-Петербургский государственный университет). Древнеегипетские стелы начальника забойщиков скота Мерера

Кормышева Элеонора Ефимовна (ИВ РАН). Эпиграфические особенности передачи образа Хора в текстах из Нубии

Лебедев Максим Александрович (ИВ РАН). Эпиграфические исследования в гробнице Каемнофрета в Гизе: история и современность

Зубова Ольга Игоревна (ИВ РАН). Образ «Охотника пустыни» (Nwt.k-nw) в 455 речении текстов пирамид

Белобородов Никита Константинович (МГУ имени М. В. Ломоносова). Титул цариц в иероглифических надписях майя классического периода

Беляев Дмитрий Дмитриевич (Мезоамериканский центр им. Ю. В. Кнорозова РГГУ; Институт этнологии и антропологии РАН; НИУ ВШЭ, Международный центр антропологии). Проект «Эпиграфический атлас Петена»: результаты полевого сезона 2019 г.

Вепрецкий Сергей Викторович (Институт этнологии и антропологии РАН; Мезоамериканский центр им. Ю. В. Кнорозова, РГГУ). Титул как часть имени: редкая ономастическая категория в надписях древних майя

11.30–12.00 — кофе-брейк

Сафронов Александр Владимирович (МГУ имени М. В. Ломоносова). Три царских династии майя в области Лакандонской сельвы: реконструкция династических списков по данным эпиграфики

Волович Анна Юрьевна (ИВ РАН). Топонимические эпитеты богини Хекет, отраженные в эпиграфических памятниках Среднего и Нового царств

Левченко Валерий Валерьевич (Одесский национальный морской университет). Роль А. Л. Коцейовского в исследовании эпиграфики Древнего Египта

Хапрова Анна Викторовна (Санкт-Петербургский государственный университет). Позднеегипетская стела из собрания Государственного Эрмитажа

Давлетшин Альберт Иршатович (Институт восточных культур и античности, РГГУ). Нотационные знаки и проблема их дешифровки (на примере словесно-слоговых письменностей Нового Света)

Секачева Дарья Сергеевна (Мезоамериканский центр им. Ю. В. Кнорозова, РГГУ). Текст на подставке для курильницы из Группы IV, Паленке (Мексика)

Хохрякова Сандра Альгимантасовна (Мезоамериканский центр им. Ю. В. Кнорозова, РГГУ). Текст 44 из Нах-Тунича (Гватемала) и новые сведения о позднеклассической истории царства Бук' (Кампече, Мексика)

14.00–15.00 — Обед

15.00–18.00 — Секция II. **Эпиграфика Южной и Восточной Азии**

Зал ученых советов

Модератор: *А. А. Столяров*

D. Dayalan (Archaeological Survey of India). The Nexus of Buddhism with Trade and Traders

Деоник Дега Витальевич (Институт стран Азии и Африки МГУ). Основные этапы истории ранней эпиграфики Восточной Азии

Долин Александр Аркадьевич (Школа востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ). Памятные стелы как средство сохранения культурного наследия Японии (на примере творчества Масаока Сики)

Тарасюк Ярослав Викторович (Министерство промышленности и торговли). Дарственные грамоты южноиндийской династии Паллаво: к интерпретации образа и роли правителя

Кузнецова-Фетисова Марина Евгеньевна (Институт востоковедения РАН). Тушь и киноварь, нефрит и панцири черепах: чем и на чем писали во II тысячелетии до н. э. в Китае (на материалах археологии поздней столицы династии Шан (XIV–XI вв. до н. э.))

16.00–16.30 Кофе-Брейк

Куликов Дмитрий Евгеньевич (Институт востоковедения РАН). Шанский царевич Сяо-цзи: символ сыновней почтительности и сакральная жертва. Эпиграфический аспект

Сафин Тимур Альфредович (Институт востоковедения РАН; Лаборатория востоковедения и компаративистики ШАГИ ИОН РАНХиГС). Пиктограммы и иероглифы в надписях на гадательных костях: количественное соотношение

Целуйко Максим Сергеевич (Школа востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Институт Дальнего Востока РАН). Историческое значение появления иероглифа *мань* (蠻) в некоторых надписях на бронзовых предметах царства Цинь

Дубровская Динара Викторовна (Институт востоковедения РАН, ГАУГН). Инскрипция 494 г. из храма Тоутосы как прообраз надписи на «Несторианском памятнике» из Сиани (781 г.)

Столяров Александр Александрович (Институт востоковедения РАН, РГГУ). К 160-летию учреждения Археологического управления Индии (ASI)

18.00–18.30 — **Подведение итогов конференции**

Зал ученых советов

Принятие резолюции конференции

Вручение сертификатов об участии

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
участников Первой международной научной конференции
«Востоковедные эпиграфические чтения памяти Д. Д. Васильева»

The Nexus of Buddhism with Trade and Traders

D. Dayalan (Archaeological Survey of India)

Trade, both maritime and overland, and traders had played a vital role not only patronizing Buddhism, but also in great extent really instrumental in the spread of Buddhism within India from the core region and also outside India. These ancient trade routes provided an opportunity for the religious, cultural and artistic influences of Buddhism to reach the distant corners of the Asian continent and beyond. The close connection between Buddhism and trade is mainly thanks to the reliance of the Buddhist monastic community for their necessities on donations from lay patrons. It seems the Buddhist monasteries provided spiritual guidance, accommodation and health care to the long-distance traders, many of whom reciprocated by giving donations to the monastic communities. It is interesting to note that many of the Buddhist centre in India were happened to be an important trade centre or located on the major trade routes. Many of the Buddhist sites have also yielded potteries, coins and other materials came from Sri Lanka, China, Southeast Asian countries and the Roman empire, which evidently attested the interaction of these Buddhist sites with those counties.

The literary sources and the archaeological investigations distinctly expound the key role of the maritime interface for the exchange of Buddhist religious thoughts, missionaries and culture from India to various parts of the world and vice versa. The accounts of some of the Buddhist pilgrims throw light on the ancient land and maritime trade routes, arduous nature of long-distance travel, commercial exchanges, and the relationship between Buddhist pilgrims and itinerant merchants. Apparently, the trade and traders both local and foreigners had played a vital role in promoting the Buddhist centre in India. There are many religious institutions in India which were either established or patronized by the foreign traders or rulers who came in contact with these centres through trade. Similarly, the Indian traders and merchant guilds had also played a significant role in patronizing the religious establishments abroad. The paper will discuss in detail the nexus of Buddhism with trade and traders citing relevant archaeological and literary sources.

Old Aramaic Epigraphy of Georgia: Issues of Current Studies

Helen Giunashvili (*George Tsereteli Institute of Oriental Studies; Ilia State University, Tbilisi*)

Old Aramaic was one of the main written languages of Iberia (the East Georgian kingdom) before adoption of Christianity in 4th century AD. Several original Aramaic inscriptions are found as a result of archaeological excavations on the territory of Ancient Georgia. They are made on different objects: steles (an epitaph and a victory stele), bone plates, wine-pitchers, silver bowls, and household items, stones of sanctuary buildings and sarcophagi, jewels. For the present, the whole corpus of these inscriptions comprises of nearly 100 units dated by 3rd–2nd centuries BC — 3rd century AD and kept at different funds of the National Museum of Georgia. These ancient Aramaic inscriptions were discovered in Mtskheta, the capital of Iberia, as well as its outskirts — Armazi, Bagineti and other various locations in Central and West Georgia — Uplistsikhe, Urnisi, Zguderi, Bori, Dedoplis Gora (Mindori), Dzalisa, Vani. The Aramaic inscriptions of Georgia are distinguished by their form and content. Some of them are quite extensive, such as Armazi steles and several dedicational inscriptions dated by 3rd century AD, found on golden bracelets from Armazi burials. The rest of inscriptions are rather short, consisting only of one or two words, denoting a proper name, or a title, they also frequently have an attributive meaning of weight, size and function of an object. The great part of these inscriptions remains unpublished.

Aramaic inscriptions of Georgia are executed in a variety of the North-Mesopotamian type of Aramaic script, which was spread during the Hellenistic epoch in Assur, Hatra, Hassan-Kef, Sari, etc. and known as “Armazian” (G. Tsereteli, J. Oelsner, J. Naveh), one of the outgrowths of the Imperial (Official) Aramaic writing, widely used in Achaemenian Empire. Three different types of the Aramaic writing are present in the Aramaic inscriptions discovered on the territory of Georgia: pre-Armazian (3rd century–1st century BC), which is very close to the Official Aramaic and was considered as the predecessor of the Armazian, Early Armazian (1st century BC — 1st century AD), which displayed more archaic features than later monuments, Armazian itself (1st–3rd centuries AD — Armazi steles, Bori, Zguderi inscriptions, etc.) (K. Tsereteli).

Here it should also be noted that the Armazian writing of each monument is characterized by certain specific paleographic features. We cannot come across identical writing of one and the same letters not only in different “Armazi” texts (1st–3rd centuries AD), but sometimes they cannot be attested within the same texts either. Certain variations of identical letters in the «Armazi» script monuments are quite acceptable, but they are very rare and fall within the general limits of the script.

The problem of the language of the Aramaic inscriptions discovered on the territory of Georgia is most interesting. It is obvious that to say something about the minor inscriptions is very difficult: a couple of words cannot provide sufficient grounds to come to any conclusion. In this connection the “Armazi” steles (1st–2nd centuries AD) are of special interest of which one consists of eleven lines (Bilingual), and the other is fourteen-lined (Monolingual). From the very beginning, the problem of the Aramaic text of the “Armazi” bilingual and monolingual inscriptions was a contentious issue, but the thorough previous studies and contemporary investigation of these texts make it possible to explain “some linguistic irrelevance” from the viewpoint of the classical (Eastern) Aramaic (F. Altheim, R. Stiehl, J. Naveh, E. Y. Kutscher, K. Tsereteli, Sh. Shaked–H. Giunashvili).

Some Siddham inscriptions in China: Palaeography and Ritual Function

Jan E. M. Houben (Ecole Pratique des Hautes Etudes; PSL Research University, Paris), *Saraju Rath* (International Institute of Asian Studies, Leiden)

Some Siddham inscriptions in China: Paleography and Ritual Function Jan Houben and Saraju Rath Paris-the Netherlands The earliest stages in the history of the study of Indian paleography, as perceived by A.H. Dani in the Introduction to his manual *Indian Paleography* (1963, 1986), were the “period of the discovery of the inscriptions and the decipherment of the scripts used in them”(from the late eighteenth century onwards), culminating in the work of James Prinsep (1799–1840), and a period when “Indian paleography became a recognized study,” with copies of numerous inscriptions accompanied by extensive studies being published in specialized journals, but this was also a period in which the evolutionary character of Indian scripts was discovered, analyzed and explored. The third period started with Georg Bühler’s *Indische Palaeographie* (1896), in which this “evolutionary character of Indian scripts” is accepted but there is a further analysis of their “regional and chronological variations.” Here we make a small contribution to a specific regional variant of the ancient Indian Siddham script in China. From the research of scholars such as Walter Liebenthal (1886–1982) and R. H. van Gulik (1910–1967), we know that “the study of the Sanskrit language never flourished in either China or Japan” (van Gulik 1956:5) but that nevertheless “the Indian script — in a variety of Brāhmī called Siddham — played an important role in Far Eastern Buddhism ever since the introduction of this script into China in the 8th century CE” (ibid.). In this presentation we will discuss and analyze a few objects which we encountered during a trip to the Yunnan province in China, in autumn 2017. As is usual, these inscriptions in Siddham have no “reporting” or

“administrative” value, they do not report a remarkable political event or donation, etc. Frequently they express a prayer formula or brief text, a mantra or a dhāraṇī, which is connected to some ritual. We will here study the ritual context of the object and the paleographic connection with scripts in India.

Свод русских надписей (CIR) и инструменты его составления

А. Г. Авдеев (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; Университет Дмитрия Пожарского), Ю. М. Свойский (лаборатория RSSDA)

В настоящее время эпиграфика Средневековой Руси — одна из наиболее динамично развивающихся специальных исторических дисциплин, и дальнейшие перспективы ее развития связаны с решением главной и первоочередной задачи — формированием свода монументальных эпиграфических памятников Средневековой Руси. Необходимость создания такого корпуса давно осознана в отечественной науке. Реализации этой задачи препятствует ее крайняя трудоемкость — фактически необходимо систематизировать сведения по меньшей мере о 10 тысячах эпиграфических памятниках, частично утраченных и частично не опубликованных.

Работа над проектом по формированию «Свода русских надписей» (CIR) началась в 2006 г. «Свод» создается с целью сохранения, систематизации и распространения знаний о монументальной эпиграфике Средневековой Руси. На данном этапе включению в Свод подлежат все монументальные эпиграфические памятники Московской Руси, как сохранившиеся, так и утраченные — но известные по публикациям, рукописным спискам, фотографиям. Основу «Свода» составляют эпиграфические памятники XV–XVII вв. и, в меньшей степени, XI–XIV вв. Из числа памятников XVIII в. в свод включаются лишь надписи, выполненные в традиции Московской Руси. В Свод включаются также надписи на латинском, греческом, немецком, итальянском и голландском языках, выполненные на территории Руси в этот период. Особое внимание уделяется выявлению неизвестных ранее эпиграфических памятников. Технологической основой Свода является база данных, позволяющая выполнять группировку, фильтрацию и сортировку информации о эпиграфическом памятнике по одному или нескольким признакам и осуществлять поиск по фрагменту текста (cir.rssda.su). База данных объединяет все имеющиеся сведения о памятнике, как в форме взаимосвязанных таблиц, так и в виде связанных с записью внешних файлов (растровых изображений, файлов трехмерных моделей и иных). База данных взаимосвязана с геоинформационной системой, позволяющей группировать и фильтровать сведения о расположении памятника и отображать эти данные

на интерактивной карте. В дальнейшем предполагается публикация печатных изданий, суммирующих результаты исследований.

Начиная с весны 2016 г. были предприняты работы по внедрению в практику эпиграфических исследований инструментария современных информационных технологий — новых методов документирования эпиграфических памятников и систематизации сведений о них в базе данных и геоинформационной системе. Исследование возможностей и ограничений традиционных методов документирования памятников приводит к выводу **о необходимости радикального пересмотра подхода к документированию и выработке методологии, обеспечивающей как полноценное воспроизведение памятника, так и его сохранность**. При подготовке проекта по формированию свода перед коллективом «Лаборатории RSSDA» в 2015–2016 гг. встала задача разработки методики массового документирования эпиграфических памятников современными техническими средствами, и одновременно исследования способов, позволяющих облегчить чтение надписи, «проявить» ее на поверхности носителя. В результате была разработана методика **бесконтактного трехмерного цифрового моделирования и математической визуализации рельефа поверхности**, которая базируется на физическом разделении документирования и исследования памятников эпиграфики, а также на современных технологиях сбора и обработки пространственных данных и оптимизирована с учетом специфических особенностей памятников старорусской эпиграфики. Методика была практически применена на надписях, выполненных в разной технике (прямая, низкорельефная и обронная резьба, граффито) и на разном материале (белый камень, гранит, песчаник, керамика, штукатурка, дерево).

Трехмерное моделирование при правильном применении позволяет существенно расширить возможности эпиграфиста:

1. Трехмерное моделирование является бесконтактным методом, исключая повреждение и изменение внешнего вида памятника

2. Трехмерное моделирование позволяет создать полную высокоточную цифровую копию памятника, не ограничиваясь лишь его фрагментом — например, стороной, содержащей надпись. Это особенно удобно при документировании подписных надгробий с орнаментом на двух и более сторонах, а также надписей на колоннах и барабанах храмов и на валунах

3. Трехмерное моделирование позволяет полноценно воспроизводить поверхности сложной формы, в том числе нерегулярные поверхности двойной кривизны. При этом не только корректно воспроизводится глубина и высота резьбы, но и не теряется трехмерность оригинала в целом, неизбежно утрачиваемая при использовании традиционных контактных методов

4. Трехмерное моделирование позволяет документировать поверхности любого размера. Так, при документировании граффити при необходимости может быть построена полная модель стены, на которой имеется надпись

5. Трехмерное моделирование позволяет с фотографической точностью воспроизвести цвет поверхности, однако модель, в отличие от фотографии, не имеет угловых искажений.

6. Трехмерная модель формируется в масштабе 1:1, что позволяет измерить любой из элементов объекта исследования. При необходимости модель может быть корректно ориентирована относительно горизонтальной плоскости и направления на север.

Однако сама по себе трехмерная модель, хотя бы и качественно исполненная, является лишь точной копией памятника эпиграфики. Дальнейшая работа с ней предполагает чтение и анализ надписи.

Эпиграфические источники на османско-турецком языке из селения Хаджибекташ и его окрестностей (провинция Невшехир, Турция)

Ю. А. Аверьянов (ИБ РАН)

Памятники культуры суфийского братства бекташийя можно рассматривать в качестве единого культурного комплекса, включающего в себя многие архитектурные сооружения, письменные памятники и надписи на надгробных камнях дервишей-бекташи, относящиеся к XVI–XX вв. В селении Хаджибекташ, ставшем важнейшим духовным центром тариката бекташийя и религиозного течения алевитов, имеется немало остатков славного прошлого бекташи. Внутри обители (текке) Хаджи Бекташа Вели (ум. после 1271), рядом с гробницей «второго наставника» (пир-и сани) братства бекташийя Балым Султана (ум. 1519) располагается площадка (хазире), на которой сохранилось 50 надгробий наставников и дервишей-бекташи разного времени. Большинство из них сохранило эпитафии, высеченные в камне, на османско-турецком языке. Некоторые из могильных камней увенчаны каменными навершиями в виде колпака хусейни тадж с 12 клиньями (традиционный головной убор братства бекташийя). Женские надгробия украшены также барельефами с изображением цветов и растительным орнаментом. Сохранившиеся надписи, в основном, относятся к XIX в. В селении Хаджибекташ насчитывается восемь традиционных сооружений над колодцами (чешме); девятое чешме находится несколько поодаль – в саду Дедебагы (примерно в 3 км от обители). Наиболее ранняя надпись на колодце Земзем от 967 г. х. (1559–1560) сохранила имя Мир Махмуда Муаммера Айаса. Следующая по хронологии надпись восходит к 1138 г. х. (1725–1726).

Это знаменитый колодец Акпынар («Белый источник»), возле которого, по легенде, Хаджи Бекташ впервые явился женщинам из селения и попросил у них милостыню. Колодец лежит в ущелье, непосредственно под уступом с находящимся на нем старинным зданием, известным как «дом Кадынджик Ана» («Матери бекташи»). Согласно надписи, строителем колодца является некий дервиш по имени Ибрахим. Колодец в квартале Сават возведен, судя по посвячительной надписи на нем, в 1218 г. х. (1803–1804) неким Вели, сыном Узун Али, который был «кофейщиком» (кахведжи) у адмирала османского флота (капудан-и дерйа) Хусейна-паши (1757–1803), зятя султана Селима III, предположительно, грузинского происхождения.

Также в селении Хаджибекташ, вне пределов обители самого святого пира, имеются еще два мавзолея (тюрбе), один из которых находится в самом селении и принадлежит, судя по посвячительной надписи над входным порталом, шейху Бекташу, сыну Махмуда, потомку Хаджи Бекташа Вели. Там же указана дата 1012 г. х. (1603–1604). Таким образом, в этом тюрбе похоронен Бекташ-эфенди — один из наследственных настоятелей обители Хаджи Бекташа, претендовавших на родство с эпонимом братства. В другом, скромном тюрбе в саду Дедебагы, по преданию, похоронен «дервиш-пчеловод» Арыджи Баба. Но в надписи над входом в тюрбе, датированной 1310 г. х. (1892–1893), строителем указан Хаджи Мехмед Баба. Пятничная мечеть селения Хаджибекташ также снабжена строительной надписью, в которой ее основателем назван Али, сын Шехсувар-бега (ум. 1522), потомок княжеского семейства бейлика Дулкадир, чья надпись относится к 926 (1519–1520).

Эпиграфика на армянском языке в Дагестане

А. Е. Акоюн (Институт древних рукописей имени Месропа Маштоца; Институт Археологии и этнографии НАН Армении), Р. С. Абдулмажидов (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН), Ш. М. Хапизов (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН)

Доклад посвящен исследованию эпиграфических памятников XVI — начала XIX вв. на армянском языке, выявленных на территории Дагестана. Три мемориальные надписи обнаружены в селении Аттал Рутульского района, и одна эпитафия имеется на окраине селения Калиновка Тарумовского района. Наличие армянской эпиграфики в Дагестане не вызывает удивления, учитывая наличие здесь армянской диаспоры с многовековой историей. Вхождение по крайней мере Южного Дагестана в состав Кавказской Албании — госу-

дарства, подвергшегося сильному армянскому культурному влиянию, также является дополнительным фактором, способствующим выявлению здесь подобных памятников.

Еще в 1966 г. дагестанским искусствоведом П. М. Дебировым были опубликованы изображения двух памятников, выявленных им в с. Аттал Рутульского района¹. В наше время там же выявлена еще одна надпись на армянском языке с точной датой (1591 г.), которая позволяет датировать все три надписи концом XVI в.

На основе письменных источников установлено, что еще в XIII–XIV вв. в этом регионе сосуществовали мусульманские и христианские общины, проживая в обособленных друг от друга населенных пунктах². Мы можем предположить, что до начала XVII в. в верховьях Самура между ареалами расселения аварцев и цахур, проживала армяноязычная община христиан, являвшаяся своеобразным уцелевшим островком христианства, корни которого происходят из Шекинского царства. Как известно, в этом средневековом государстве, существовавшем в Закавказье в VIII – нач. XII вв., армянский язык и культура занимали привилегированное положение. На наш взгляд, в течение XVII в. христианская община в верховьях Самура постепенно была поглощена в результате расширения ареала расселения мусульманского населения Цахура.

Еще одна надпись на армянском языке, датируемая началом XIX в., была выявлена в 3 км к северу от селения Калиновка Тарумовского района, недалеко от армянского селения Карабаглы – единственного на данный момент компактного поселения армян в Дагестане. Нижеуказанная надпись написана болоргиром, то есть минускульной формой начертания. Приведенная в надписи дата — 1250 год соответствует 1801 году по григорианскому календарю. Имя «Забар» из этой надписи, автор армянского именника Гр. Ачарян указывает как «Забер», со следующим объяснением: «неизвестное албанское имя»³. Изучив локализацию местонахождения данной эпитафии, мы пришли к выводу, что здесь в XVIII – нач. XIX в. проживали армяне из Мушкура (ныне Хачмасский район Азербайджанской Республики), т. е. исторической Кавказской Албании. С учетом этого факта не вызывает удивления использование ими традиционных имен кавказских албан.

Таким образом, исследование даже нескольких памятников армяноязычной эпиграфики Дагестана, открыло перед нами ранее неизвестные страницы

¹ Дебиров П. М. *Резьба по камню в Дагестане*. М., 1966. С. 32.

² Айтберов Т. М., Хапизов Ш. М. *Елису и Горный магал в XII–XIX вв.* Махачкала, 2011. С. 172.

³ Ачарян Гр. *Словарь армянских личных имен*. Ереван, 1942. Т. II. С. 162 (на арм.).

средневековой истории данного края. На наш взгляд, научные изыскания в этом направлении являются весьма перспективными, и способны пролить свет, как на узловые моменты средневековой истории Дагестана и армяно-дагестанских взаимоотношений, так и существенно продвинуться в изучении наследия Кавказской Албании.

Новые памятники армянской эпиграфики XVII–XIX вв. из Крыма (подписная мелкая пластика)

А. В. Акопян (ИВ РАН), О. В. Каретников (Бахчисарай)

В докладе обсуждаются выявленные за последние годы подписные частные предметы, принадлежавшие армянскому населению Крыма и созданные в XVIII–XIX вв. Впервые в научный оборот вводится более 50 предметов такого рода, среди которых обособляются личные гирьки, личные печати-матрицы, печатные перстни, именные перстни и именная посуда. Анализируются функционал надписей и композиционные решения в оформлении предметов, а также использовавшиеся в армянской среде Крыма системы датировок (армянская, мусульманская и европейская) и эпиграфические особенности используемых письменностей (армянской и арабской). Обсуждается частотность и варибельность имен внутри выявленного ономастического комплекса, а также развитие антропонимических формул в армянской среде Крыма XVIII–XIX вв. в сравнении с синхронными данными по армянам Украины, России и Константинополя.

Обсуждаемые предметы, исследуемые как исторические источники и выстроенные хронологически, показывают, что из пяти аспектов информационной составляющей — языка надписи, системы знаков для чисел, календарной системы, ономастикона и антропонимических формул, наиболее подверженными внешнему влиянию оказались система знаков для чисел и календарная система, при этом в ономастиконе и в антропонимических формулах происходили медленные изменения, не затрагивавшие этничности владельцев предметов, а наибольшую постоянность среди информационных составляющих продемонстрировал язык надписей. По всей видимости этническая доминанта выступала более сильным фактором, нежели конфессиональная, поскольку на обсуждаемых надписях никак не отразилась разделенность крымских армян между армянской и католической церквями. Исследуемые подписные предметы указывают, что армянская колония в Крыму, на протяжении долгого времени существовавшая в виде отдельного национального организма, смогла на протяжении гораздо более длительного времени сохранять свою языковую и духовную самобытность по сравнению с армянами Подолии или России.

Ввиду схожести художественных и технических приемов изготовления, исследование важно также и для датирования предметов, созданных в татарской и греческой среде Крыма.

О методах датировки арабографических эпиграфических текстов на Кавказе

А. К. Аликберов (ИБ РАН)

Самые ранние из арабо-мусульманских надписей на камне появились еще в первом столетии мусульманской эры, т. е. в VII в. н. э. С расширением географии арабских завоеваний стал увеличиваться и ареал распространения лапидарных текстов. Для многих регионов Халифата, особенно там, где не было собственной исторической традиции или она находилась в зародышевом состоянии, эпиграфические памятники остаются единственным видом письменных источников. Они также выступают в качестве датирующего материала при изучении истории арабских завоеваний и процессов распространения ислама в различных регионах мусульманского мира.

По своему содержанию тексты, выбитые на камне, делятся на различные категории: религиозные тексты-посвящения, строительные надписи, эпитафии, надписи-хроники и др. Если говорить о соотношении различных категорий памятников, то подавляющее большинство арабского графического фонда надписей VII–XIII вв. составляли религиозные тексты, представляющие собой коранические формулы, благопожелания и призывы к молитвам. На окраинах Халифата самые ранние тексты религиозного содержания оставили обитатели пограничных *рибатов*, которые в немусульманском окружении играли роль опорных баз для дальнейшего распространения ислама. С XIII в. в качестве наиболее распространенного вида лапидарных текстов выступают эпитафии. Строительные надписи обычно фиксируют культовое строительство на исламизированных землях, а эпитафии – этапы утверждения ислама в районах. Религиозные тексты крайне редко содержат датировку, однако строительные надписи и эпитафии также не всегда датированы, что нередко усложняет использование содержащихся в них сведений в исторических исследованиях.

В процессе изучения средневековой арабской эпиграфики Кавказа специалисты выработали комплекс методов датировки надписей на твердом материале, каждый из которых основан на каком-либо определенном признаке.

1. Датировка памятника по дате, зафиксированной в его тексте
2. Палеографический метод. Датировка по стилю письма
3. Датировка по историческим событиям, отраженным в тексте

4. Датировка по именам и генеалогиям
5. Датировка по материалу памятника
6. Датировка по орнаментике памятника и художественной школе
8. Датировка по аналогиям
9. Датировка по легендам и преданиям

Особого внимания заслуживают случаи намеренной фальсификации эпиграфических памятников, их намеренного удревнения.

К интерпретации в свете сообщений вновь открытой Тосорской надписи

К. Белек (Кыргызско-Турецкий университет «Манас»)

Тосорский эпиграфический памятник, ставший предметом исследования, написан на тюркском языке в период Караханидов. По своему содержанию текста является двух военачальников. Памятник представляет собой яркое свидетельство существования института икта в государственно-административной системе средневековых мусульманских государств.

Посетительская надпись, начертанная на поверхности каменного валуна, обнаруженного на пастбище «Күлбак» или «Гүлбакы» недалеко от села Тосор Джеты-Огузского района в 1987 г. Ч. Жумагуловым с помощью местных жителей, примечательно тем, что хотя текст написан на караханидском языке, но выполнен на арабской графике.

Титул цариц в иероглифических надписях майя классического периода

Н. К. Белобородов (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Помимо титулов, маркирующих принадлежность знатных женщин к конкретным царским династиям, в иероглифических надписях майя классического периода (III–IX вв. н. э.) известны и другие женские титулы. Самый распространенный из них (его носят царицы, то есть жены царей) обычно записывается комбинацией знаков **ʼIXIK, KʼUH** и пока не прочитанного знака, изображающего перевернутый сосуд. Эти знаки, как правило, записываются в одном-двух блоках исключительно перед личным именем женщины, что не вполне характерно для обычных титулов. Анализ надписей из Йашчилана позволяет говорить о том, что данная комбинация должна отображать имя некоего женского божества, поскольку, помимо «обычных» записей этого «титула» без указания на имперсонацию богини, имеются и соответствующие записи с имперсонационной формулой *ʼubʼaahilʼaʼn*. Сравнение с ситуацией среди

мужчин, в именных фразах которых также встречаются имена божеств, не снабженные формулой имперсонации и функционирующие на подобие своеобразного имперсонационного «имени-титула», приводит к предположению о том, что этот знаменитый титул указывает на ассоциацию женщины с этим божеством, на ее статус как его воплощения.

Кроме того, есть надписи, заставляющие по-новому взглянуть на проблему с еще одной стороны. Вероятно, имен божеств, содержащих знак перевернутого сосуда, было два. Прослеживается различие двух разных перевернутых сосудов, а также закономерная привязка одного из сосудов к еще одному титулу (или части титула) — *hoʹ huuʹn*.

Несмотря на то что знаки перевернутого сосуда пока не дешифрованы, эти наблюдения могут прояснить сущность одного из самых распространенных женских титулов и иметь ценность для дальнейших исследований.

Проект «Эпиграфический атлас Петена (Гватемала)»: результаты полевого сезона 2019 г.

Д. Д. Беляев (Мезоамериканский центр РГГУ; Институт этнологии и антропологии РАН; НИУ ВШЭ, Международный центр антропологии)

Проект «Эпиграфический атлас Петена» реализуется на базе Центра исследований майя имени Кнорозова (СЕМУК) в Гватемале с 2013 г. Проект нацелен на редокументацию и выявление новых иероглифических текстов классического периода (I тыс. н. э.) сохраняющихся на археологических памятниках региона Петена, или находящихся в экспозициях и запасниках музеев, а также на создание общедоступного корпуса текстов майя.

В 2019 г. полевые работы велись в муниципалитетах Флорес, Мельчор-де-Менкос и Долорес. В Национальном парке Йашха-Накум-Наранхо были задокументированы монументы Йашхи (стелы 3, 4, 5, 8, 11, 13, 31 и 42) и острова Канте (стела 1). В хранилище регионального отделения Департамента доиспанских и колониальных монументов Института антропологии и истории Гватемалы в Мельчор-де-Менкос были задокументированы надписи из различных городов (Наранхо, Суфрикайя, Уканаль и др.). Также были задокументированы тексты из Регионального музея юго-востока Петена имени Хуана Педро Лапорте (стелы 8, 9 из Ицимте, стела 1 из Эль-Чаля, панель 2 из Иштуца, блок иероглифической лестницы из Эль-Рейнадо, а также фрагменты из Мачакилы). Особый интерес представляли материалы из хранилища Археологического атласа Гватемалы, в котором собраны монументальные памятники и фрагменты надписей из различных городов (Акте, Ицимте, Иштуц, Мачакила и др.).

Работа с надписями Йашхи VIII в. показала, что их публикация содержит существенные ошибки. Н. Грюбе приписал надписи на сторонах стелы 31 стеле 13 и исходя из этого предложил неверные датировки этих текстов. Стела 13 была установлена не в 797, а в 793 г. и не содержит упоминания 4-летних интервалов, а ритуалов, связанных с этими интервалами (в 789, 793 и 797 гг. соответственно), в действительности не существовало. Стела 31 была установлена не в 796, а в 797 г. Упоминание термина *hix-bihtuum* позволяет связать установку стелы с освящением либо внутригородской дороги-*сакбе* (сакбе Блома), либо Северного стадиона для игры в мяч. Текст на лицевой стороне стелы 31 сообщает о пленении в 796 г. Шуб-Чаака, царя К'анвицналя (городище Уканаль в среднем течении р. Мопан, к югу от Йашхи).

Документация ранее не опубликованной надписи на стеле 10 из Ицимте позволила выявить дату, соответствующую 746 г. Таким образом, этот монумент одновременен алтарю из Пуэрто-Барриос, который, как показали наши исследования в 2015 г., происходит из района Ицимте. Оба памятника были созданы по велению царя К'ак'...ля (род. в 703 г.), правившего в 730–740-е гг. Ранее неопубликованный фрагмент алтаря 1 из Ицимте, обнаруженный в 2002 г. Э. Мехия, содержит фрагмент пространной надписи историко-мифологического содержания. В нем записана родословная местного правителя, а также начало мифологического пассажа, сообщающего о рождении Ицамк'анака, или Старого Бога-Черепахи. Этот сверхъестественный персонаж, очевидно, считался в Ицимте основателем царственности.

Гибридные надписи дагестанских зийаратов XVII–XIX вв. к вопросу об эпиграфическом изучении коллективной памяти исламизации

В. О. Бобровников (ИВ РАН, НИУ ВШЭ), М. Г. Шехмагомедов (Институт истории, археологии, этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН)

На материалах экспедиций в Горный Дагестан 2020–2021 гг. с привлечением материалов предшествующих полевых выездов, в докладе сделана попытка пересмотреть классификации и подходы к изучению эпиграфики святых мест региона, обсудить перспективы использования их текстов для изучения коллективной памяти местных мусульманских сообществ. Его основными источниками послужили арабоязычные надписи из святилищ (зийара. пир) на землях в разное время исламизированных феодальных владений и союзов сельских общин Кайтага, Гидатля и Аварии XVI–XIX вв., чьи тексты мы подвергли диахронному сравнительно-историческому анализу. Большинство

из них впервые вводится в научный оборот. Мы также опираемся на изученные нашими предшественниками надписи и комментирующие их памятные записи (таварих) из частных и мечетных собраний. Не вызывает сомнений классификация надписей с делением их на (1) эпитафии (большинство сохранившихся текстов), (2) строительные и наиболее редкие (3) исторические. В последнее время выделяют также (4) владельческие, (5) благопожелательные и (6) тексты религиозного содержания, включая (7) стихи, а также выбитые в камне копии (7) юридических документов. Чуть ли не все эти типы с преобладанием категорий (1), (2), (6) и (7) встречаются на обследованных святых местах, особенностью эпиграфики которых является отражение в них взлетов и падения паломничества (зийара), сообщений о реставрациях, благочестивых донаторах и поддержавших их сельских общинах. Для целей исследования текстов надписей, на наш взгляд, важнее не дальнейшая дифференциация, но синтез. Тем более что большинство надписей сложно отнести к одной из выделенных выше категорий, поскольку они нередко включают в себя элементы целого ряда из них. Серьезной ошибкой эпиграфических исследований XX в. мы считаем игнорирование малоинформативных трафаретных надписей категорий (5–7), позволяющих не только датировать надписи, но и понять преемственность и разрывы в почитании зийаратов, особенности коллективной памяти сельских общин и их союзов в Дагестане изучаемого времени. Необходимо изучать надписи в комплексе сооружений зийарата — учитывая отразившиеся на его территории историко-социальные сети. Исламизация Восточного Кавказа завершилась задолго до создания большинства надписей, представленных в нашем докладе. Но коллективная память о ней имеет другое измерение и до сих пор актуальна в Дагестане. Она связывается с конкретными, пусть не вполне идентифицированными лицами. Это: (1) арабизированные местные герои-исламизаторы XIV–XVI вв.; (2) мусульманские династии, возводившие себя к ним и упраздненные в Дагестанской области во второй трети; и (3) мученики-шахиды, погибшие от эпохи средневековья до Кавказских войн XIX в. Новое прочтение этих текстов мы предлагаем в нашем докладе. Он является данью памяти к творчеству Д. Д. Васильева, одним из пограничных увлечений которого, был Кавказ. Одному из авторов доклада посчастливилось обсуждать с ним проблемы эпиграфики и истории региона.

Новые памятники древнетюркской рунической письменности в Хакасии

В. Я. Бутанаев (*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова*)

Тезисы посвящены предварительному описанию новых памятников древнетюркской рунической письменности, найденных в 2015 г. на территории Хакасии. Одним из высших достижений культуры енисейских кыргызов является создание рунической письменности. В степях Хакасии сохранилось около сотни памятников «кладбищенской поэзии» VII–IX вв.

В августе 2014 г. археологами была обнаружена неизвестная ранее стела с древнетюркскими письменами. Она лежала у подножия горы Уйтаг на 64 км с левой стороны по трассе Абакан–Аскиз. Согласно хакасским легендам, гора Уйтаг названа в честь легендарного героя Одженбега, погибшего в битве с врагами в данной степи.

В апреле 2015 г. на место расположения находки к подножию горы Уйтаг выехал проф. В. Бутанаев, который осмотрел памятник и выяснил его историческое значение. Последний представляет обелиск с древнетюркскими письменами, поставленный в честь кыргызского героя, жившего в VIII–X вв. н. э. Он относится к очень редким находкам. Подобный памятник письменности, имеющий с двух сторон крупные надписи, на территории Хакасии был обнаружен археологом А. Н. Липским 50 лет тому назад в долине реки Уйбат. Он был прочитан впервые В. Я. Бутанаевым⁴. Ныне указанная уйбатская сабра (т. е. стела с надписью) находится в Хакасском национальном краеведческом музее. 09.06.2015 г. В. Я. Бутанаев доставил из степи долины Абакана в Хакасский национальный музей эту новую неизвестную ранее каменную стелу с кыргызской рунической письменностью.

Уйтагская каменная стела весит около полторы тонны, длина 2,5 м., ширина 50 см, толщина 46 см. Она сглажена со всех четырех сторон. Этот камень представляет бывшее окуневское изваяние (II тыс. до н. э.) с мало заметной антропоморфной личиной, обрамленной в верхней части солнечными лучами. На вершине памятника виден солярный знак. В центре передней плоскости стелы имеются две короткие строки одна над второй, перед которыми вырезана тамга в виде двух параллельных изогнутых дуг в виде крыльев, соединенных посередине глубокой линией. Длина линии 10 см., ширина размаха дуг 15 см. Подобные тамги на известных памятниках кыргызской письменности Енисея ранее не встречались. За тамгой следуют две короткие строки, верхняя длиной 22 см., состоит из пяти крупных знаков. Высота рун 5 см. Нижняя

⁴ Бутанаев В. Я. Новая Уйбатская сабра. *Ученые зап. КазНИИЯЛИ*. Абакан, 1973. Вып.18. № 2. С. 149–153.

строка состоит из трех знаков, длиной 14 см. Руны верхней строки глубоко прорезаны и четко читаются: «Кюнбил ат(ы)», т. е. его имя Кюнбил.

На правой боковой стороне находятся три строки кыргызской письменности длиной 71 см. со знаками, несколько разрушенных временем. Верхняя строка состоит из 22 плохо сохранившихся букв, высотой 4–5 см. Средняя строка состоит из 19 знаков и нижняя из 20 рун. Письменные знаки читаются плохо. В начале первой строки можно прочесть слово «эрдем», т. е. доблесть, затем «эрим» — мой воин и предположительно «адырылдынгыз» — вы отделились (т. е. скончались). В других строках также читаются только отдельные слова (см. приложения).

На обратной стороне памятника, лежавшей ранее лицом на поверхности земли, находятся три строки, расположенные по бокам. Первая строка длиной 60 см состоит из 11 знаков высотой 4–7 см (текст «в»). Две другие строки находятся с другого бока. Длина их составляет 120 см., высота знаков 3–4 см.

В работе «Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из китайского сочинения VIII–X вв. Танхуэй яо)» Ю. А. Зуев дает таблицу тамг, среди которых имеется тамга племени *цзе-гу* (т. е. кыргыз). Она полностью идентична на вновь найденной Уйтагской стеле. Факт совпадения форм, не имеющей аналогов среди других тамг, зафиксированных в «Тан хуэй яо», наверное, может быть очень интересным. Подобное упоминание в китайских источниках тамги, обнаруженной на Уйтагской стеле, позволяет предположить, что памятник принадлежит представителю высшей знати енисейских кыргызов и повествует о подвигах военачальника, известного далеко за пределами родовых территорий⁵.

Согласно хакасским легендам под горой Уйтаг (в переводе с хакасского — «Правительственная гора»), в древние времена находилась ставка кыргызского хана «кыргыз орда». Кроме уйтагского памятника письменности, в 2015 г. на берегу острова Гладкий по реке Енисей на территории Усть-Абаканского района Хакасии была найдена каменная плитка с рунической надписью. Ныне она хранится в национальном краеведческом музее города Абакана. Длина 8 см., ширина 9 см, толщина 1.7 см, длина надписи 6 см, высота букв 1.3–1.7 см. Надпись состоит из пяти хорошо читаемых знаков. Она гласит: «огын йер», т.е. место обучения. По всей видимости, такие плитки применялись в школах, в которых дети обучались кыргызской грамоте.

Хакасские фольклорные материалы донесли до нас память о древнем письме и об учебных пособиях, применявшихся в старинных школьных учреждениях. По поводу обучения грамоте у хакасов бытуют следующие загадки: «пиши-пиши ручка, записанный след (т. е. букву) не испортишь, познавший

⁵ Васильев Д. Д. Тюркская руническая надпись и тамга стелы могильника Уйтаг. *Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова*. Абакан, 2016. № 16. С. 32.

письмо китайчонок (т. е. ученик) выпущенную стрелу («огын», т. е. знания) не забудет». В других вариантах говорится: «пиши-пиши дощечка для письма, написанный след не испортится, смотревший его китайчонок выпущенную стрелу не забудет»⁶. В данных примерах слово ручка, дощечка для письма или грифель обозначается по-хакасски словом «пан» и несомненно связано с древнетюркским «бан» — доска (для письма), а второе — «чыны» отождествляется с понятием китаец, что свидетельствует о большом культурном влиянии Китая. Оба термина ныне забыты и сохранились только в указанных загадках. В целом надписи новой стелы с Уйтага читаются очень плохо. Чтение и перевод этого памятника древнетюркской письменности ждут ученых тюркологов.

Новый метод цифровой прорисовки рунических надписей

Д. Д. Васильев, *А. Д. Васильев (ИВ РАН)*

В течение полевого сезона 2019 г. участниками Эпиграфической экспедиции ИВ РАН в Южной Сибири была опробована новая методика цифровой прорисовки рунических надписей. Ранее новые методы цифровой обработки петроглифов Южной Сибири неоднократно становились объектом научного описания (См.: Благун Ю. Ю., Зоткина Л. В. К вопросу о методике описания крашенных наскальных изображений (по материалам памятников минусинской котловины); Солодейников А. К. Некоторые аспекты фотофиксации наскальных изображений; Симухин А. И., Марнуев П. Е., Намсараев Д. В., Лбова Л. В. Сыржа — новый объект наскального искусства Забайкалья (опыт бесконтактного документирования) и др.). Однако, использованный нами метод ранее никем не практиковался. Суть метода заключается в том, что использование графического планшета позволяет проводить бесконтактную и, зачастую, более точную прорисовку и копирование надписи. Метод может применяться в том случае, если использование специальной прозрачной пленки или миколента затруднено или они отсутствуют. Важной составной частью метода является наличие высококачественной цифровой фотографии в высоком разрешении. Благодаря этому становится возможным выявлять мелкие или плохо сохранившиеся детали граффити. Наложение слоев на исходное изображение позволяет получить электронную прорисовку, которая, зачастую, может быть более точной и более щадящей для памятника. Учитывая, что часть представленных на рынке графических планшетов комплектуется аккумулятором, возможна работа с планшетом непосредственно в поле, около

⁶ Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. *Мир хонгорского (хакасского) фольклора*. Абакан, 2008. С. 334–335.

места расположения памятника. В электронном формате сохраняются оригинальный размер надписи, который можно масштабировать.

Титул как часть имени: редкая ономастическая категория в надписях древних майя

С. В. Вепрецкий (Институт этнологии и антропологии РАН; Мезоамериканский центр, РГГУ)

Личные имена древних майя, известные по иероглифическим надписям, разнообразны. Среди них выделяется довольно редкая категория, где частью имени выступает слово или фраза, которую по другим контекстам можно определить как титул. Наиболее известное имя данной категории — *Yajawteʔ K'ihnich* – содержит военный титул *y-ajawte*, дословно «владыка копий» или «воин». Реже встречаются имена, содержащие непосредственно царский титул *ʔajaw*, «царь», например, *K'uk' ʔAjaw* в надписях Ла-Короны (департамент Петен, Гватемала) и *Bahlam ʔAjaw* в надписях Тортугера (штат Табаско, Мексика). Благодаря контексту, становится понятно, что титулы в приведенных примерах, несомненно, являются частью имени, однако есть и более проблемные случаи, где все не так очевидно. В данном докладе будут рассмотрены примеры, в которых титулы, ранее воспринимавшиеся таковыми, на деле являются частью именных фраз.

Правители древнего города *Сакникте* (древнее название Ла-Короны) носили локальный титул *сак-вайис*, «белый дух». На панели 2 из Ла-Короны под 667 г. фигурирует инаугурация человека, который записан как *ʔi-xakil sak wahyis*, что переводилось как «сын *сак вайиса*». Эта запись соотносилась с *К'инич-Йок-Аканом*, сыном умершего не за долго до этого династа по имени *Чакав-Наб-Чан*. При более детальном анализе становится понятно, что данное объяснение неверно, поскольку, во-первых, фраза *ʔi-xakil* сама по себе никогда не использовалась в качестве родственного обозначения «сын отца», а во-вторых, по параллельным надписям известно, что *К'инич-Йок-Акан* воцарился в 675 г. Это дает основание полагать, что мы имеем дело с другим человеком, чье имя выражено с помощью необычной именной формулы *ʔUxakil Sak Wahyis*, включающей в себя локальный титул Ла-Короны.

На иероглифической лестнице из Наранхо (департамент Петен, Гватемала) дважды встречается имя человека, известного в литературе как *Yuknoʔm-“Head”*, носящего титул *Кануʔ ʔajaw*, «царь Кануля». В одном случае его имя записано в виде лигатуры с титулом, что не имеет аналогов в надписях майя. Проблему позволяет решить текст на стеле 24 из Калакмуля (штат Кампече, Мексика), которую устанавливает человек с таким же именем. В данном

случае он тоже записан как *Yuknoʻm-“Head” Kanuʻl ʻajaw*, но после этого его титул *k'uhul Kanuʻl ʻajaw*, «священный царь Кануля», выписан отдельно. Это указывает на то, что *Yuknoʻm-“Head” Kanuʻl ʻajaw* является полноценной именной формулой.

Подобные примеры очень важны не только с точки зрения ономастики древних майя как таковой, но и с точки зрения политической истории, поскольку позволяют иначе взглянуть на некоторые события.

Топонимические эпитеты богини Хекет, отраженные в эпиграфических памятниках Среднего и Нового царств

А. Ю. Волович (ИБ РАН)

Изучая вопрос отражения культа богини Хекет в ее эпитетах, внимание автора привлек тот факт, что большинство из них, начиная с Первого переходного периода, содержит топонимы (напр., «Хекет, госпожа Хер-Ура», «Белая в Нехене» и пр.).

Для определения причины появления такого рода эпитетов в докладе рассматривается контекст их возникновения, а также смысловые особенности некоторых фразеологических конструкций этих топонимических эпитетов (период исследования ограничивается окончанием эпохи Нового царства).

Результаты исследований мусульманских некрополей г. Казани

А. М. Гайнутдинов (Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан)

В последние годы интенсивность эпиграфических исследований в Татарстане выросла, т. к. с 2015 г. ежегодные эпиграфические экспедиции в районы республики организует Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Одновременно осуществлялось исследование мусульманских некрополей Казани, до настоящего времени должным образом не изученных. С целью выявления сохранившихся исторических надгробий в апреле-июне 2017 г. мы провели обследование трех старинных татарских кладбищ.

Первым подверглось изучению кладбище Адмиралтейской слободы. Как топографический объект кладбище присутствует на картах Казани с конца XVIII в., однако самые ранние из сохранившихся на нем памятников по внешним признакам и палеографическим особенностям можно отнести к середине XIX в. Все надгробия сохранились лишь фрагментарно, поэтому определить точные даты их установки не представляется возможным. Самое

старое надгробие с точной датировкой относится к 1910 г. В общей сложности на кладбище Адмиралтейской слободы были обнаружены 25 каменных надмогильных плит, включая фрагменты.

Другим объектом изучения стало кладбище Пороховой слободы Казани, которое ранее в литературе практически не упоминалось. Во время обследования данного объекта были выявлены 146 древних надгробий, самое раннее из которых относится к 1841 г.

Третьим мусульманским некрополем, обследованным в 2017 г., стало знаменитое кладбище Ново-Татарской слободы. На сегодняшний день это наиболее известное и почитаемое татарское кладбище в мире, его площадь составляет 26,4 га. Всего во время обследования данного некрополя было выявлено 1430 памятников, с начала XIX в. по 1929 г. включительно. Анализ собранных материалов позволил установить имена 1332 человек, похороненных в этот период. Еще около 100 памятников не удалось идентифицировать, т. к. они сохранились лишь фрагментарно. Самый ранний памятник, обнаруженный на кладбище Ново-Татарской слободы установлен Юсуфу сына Бикбава, скончавшемуся в 1813 г.

Таким образом, все татарские эпиграфические памятники, сохранившиеся на кладбищах Казани, были изучены и анализированы. В ближайшем будущем планируем издать полное описание этих памятников с фотографиями, чтобы вывести имена исторических личностей из забвения, показать их вклад и место в истории и культуре татарского народа.

Арабская эпиграфика Дербента / Баб ал-Абваба: открытия XXI века (к 300-летию изучения эпиграфики Дербента)

М. С. Гаджиев (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН)

Внимание к памятникам эпиграфики Дербента было обращено более 1200 лет назад Вардапетом Гевондом (кон. VIII в.), упомянувшим обнаруженную в городе надпись и приведшим ее текст. С XVII в. памятники эпиграфики Дербента постоянно привлекали внимание путешественников, ученых, посещавших этот город (Ф. Котов, А. Олеарий, Э. Челеби, Я. Стрейс, О. Даппер, Н. Витсен и др.). Собственно же начало сбора эпиграфических памятников Дербента и их изучения было положено кн. Дм. Кантемиром, который во время Персидского похода (1722 г.) зафиксировал в Дербенте и частично зарисовал 13 средневековых надписей. Этим, можно сказать, было положено начало изучению эпиграфических памятников Дербента.

В XIX–XX вв. большой вклад в изучение эпиграфики Дербента внесли Х. Д. Френ, И. А. Бартоломей, Б. А. Дорн, Е. А. Пахомов, П. И. Спасский, Г. С. Ньюберг и др. Огромен вклад Л. И. Лаврова, А. Р. Шихсаидова, С. Ю. Касумовой. С 1996 г. выявление памятников эпиграфики стало одним из направлений деятельности Дербентской археологической экспедиции. В 1996, 1997, 2001 гг. было открыто 7 среднеперсидских надписей, датированных 568–569 гг. Они значительно пополнили корпус среднеперсидской эпиграфики Дербента и осветили ряд актуальных вопросов строительства знаменитого Дербентского оборонительного комплекса.

Начало XXI в. было ознаменовано не только обнаружением на руинах форта Кеджерли-кала первой и пока единственной среднеперсидской надписи в системе Даг-бары (составной части Дербентского оборонительного комплекса), но и открытием одной из древнейших официальных мусульманских строительных надписей, составленной в 176 г. х. / 792–793 г. и упоминающей шаханшаха Хосрова Ануширвана (*араб.* Кисра), «повелителя правоверных», халифа Харун ар-Рашида и его сына, «наследника престола мусульман» ал-Амин Мухаммада.

В 2002–2004 гг. при раскопках выявленного мусульманского культового памятника Баб ал-Кийама (*турк.* Кийамат-капы, *перс.* Дар-е Кийамат) были найдены краткая, но показательная, арабская надпись XI–XII вв. («Йа, Али, дарвиш Садык») и серия арабских надписей этого же времени (басмалла, шахада и др.), среди которых привлекает внимание еще полностью непрочитанная представительная 3-строчная арабская кувфическая надпись.

В 2014 г. при раскопках другого мусульманского ритуально-обрядового памятника были обнаружены уникальные каменные стелы с арабскими кувфическими религиозными текстами XI–XII вв. В 2020 г. на выявленном участке северного некрополя Дербента XI–XII вв. был найден надмогильный саркофагообразный памятник с арабоязычной кувфической эпитафией («Это могила Мухаммада Лудильщика (*ляхим*). Милость Аллаха над ним»). В 2021 г. рядом с упомянутым мусульманским культовым местом Баб ал-Кийама были открыты арабские религиозные надписи XI–XII вв.

Переводы выявленных памятников эпиграфики осуществлялись проф. А. Р. Шихсаидовым (1928–2019) и его учениками — А. К. Аликберовым, З. Ш. Закарьяевым, М. А. Гасановым. Обнаруженные памятники эпиграфики раскрывают новые страницы истории Дербента, который продолжает открывать исследователям свои исторические недра, и этот город-музей по праву предстает «библиотекой под открытым небом». Перед исследователями стоит важная задача продолжения работ по изучению надписей Дербента и созданию корпуса средневековой эпиграфики этого древнего города.

Саркофагообразный надмогильный памятник с куфической эпитафией мусульманского некрополя Дербента XI–XII вв.

М. С. Гаджиев (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН), М. А. Гасанов (Дагестанский государственный университет)

В 2020 г. в ходе проведения охранных археологических исследований Дербентская археологическая экспедиция ИИАЭ ДФИЦ РАН выявила участок некогда обширного северного некрополя Дербента (ара. Баб ал-абваб). Этот участок, как показали проведенные работы, насчитывает свыше 80 саркофагообразных надмогильных памятников (условно именуемых по их форме «саркофаги»), как сгруппированных, так и расположенных обособленно. Среди них представлен один памятник — саркофаг № 40 — установленный на специальном постаменте (3,1 x 1,6 м) из четырех отесанных каменных плит и имеющий врезную надпись на арабском языке почерком *куфи*. Массивный корпус саркофага имеет стрельчатую форму с узкими полами в виде ступени. Параметры надмогильного камня: корпус саркофага имеет длину 186–190 см, ширину 62 см, высоту 41–48 см; полы саркофага имеют длину 196 см, ширину 7 см (с учетом ширины корпуса и полов общая ширина памятника составляет 76 см), толщина их — 12 см. Надпись в верхней части южной продольной боковой стороне саркофага гласит:

هذا القبر لمحمد لآحم رحمه الله

«Это могила Мухаммада, лудильщика. Да будет над ним милость Аллаха!».

Рассматриваемый памятник — редкий образец подобных надмогильных камней с сохранившейся эпитафией. В Дагестане среди около 500 саркофагообразных памятников известно только 8 имеющих тексты: 4 памятника в Дербенте (включая рассматриваемый), 2 — в Кала-Корейше, 2 — в Уркарахе и 1 — в Гимейди. Наиболее пространная и информативная надпись высечена на саркофаге почитаемой группы могил Джум-джум на южном некрополе Дербента: памятник уникален и тем, что это единственный среди саркофагообразных надмогильных камней, на котором имеется дата — 469 г. х. / 1076–1077 г.; надпись сообщает, что «это могила Махмуда б. Аби-л-Хасана, сына убитого на пути Аллаха»⁷.

Саркофагообразные надмогильные памятники, выявленные на территории Дагестана, датируются XI–XII вв. или уже — последней третью XI–XII вв., учитывая их появление здесь в связи с сельджукской экспансией на Восточном

⁷ Лавров Л. И. *Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках*: В 3 ч. М., 1966. Ч. 1; Шихсаидов А. Р. *Эпиграфические памятники Дагестана*. М., 1984.

Кавказе⁸. Этим временем датируется и новооткрытый участок с такими памятниками, и входящий в его состав рассматриваемый саркофаг с эпитафией.

Текст эпитафии содержит наименование профессии погребенного Мухаммада — лудильщик (*лахим*). Эта информация расширяет круг ремесленных специальностей, существовавших в Дербенте XI–XII вв., и служит указанием на существенную специализацию ремесленного труда в обработке цветных металлов, учитывая существование в это время в Дербенте изготовителей медной посуды и утвари (араб. *наххас, саффар*). Вместе с тем, принимая во внимание широко распространенное явление, особенно в среде суфийских деятелей (в т.ч. в Дербенте), прибавление к имени прозвища, есть основания полагать, что в эпитафии представлено прозвание (*лакаб*), образованное по роду занятий (*мансаб*), и надмогильный камень был поставлен над захоронением уважаемого, авторитетного представителя суфийской общины Дербента Мухаммада ал-Лахима.

К интерпретации имени эмитента одной монетной легенды XII–XIII вв. (Ширван и Дербент)

А.-К. Гусейнов Гарун-Рашид (Дагестанский государственный университет)

В статье «Байар, нуцал Аварии, и его монеты» (2017 г.) А. В. Акопян высказал мнение о том, что эмитент монет, обнаруженных в монетных кладах, найденных в городах Сумгаит, Дербент и Шемаха, с арабской надписью «царь *Байар*, сын, христианин» на внутренней стороне и на внешней — с грузинской буквой «бан» (Б) и грузинской надписью, известной с 1187 г. при царице Тамаре. Она калькирует начало стандартного формуляра выпускных данных мусульманских монет, которые, по его мнению, могут быть связаны с нуцалом Байаром, сыном Сураки, правившем в середине XIII в. Аварией (Сариром). При этом последнее — Сарир — наименование имеет древнее болгарское (тюркское) происхождение, как и имя *Сурака*, корневая часть которого представлена в хорониме *Сар(-ир)*, означая «войско». И Сур-ака в этом случае означает «руководитель, командир (ага) войска».

В средневековых источниках, связанных с данным регионом, упоминается также *Суракат*, сын Огуза, а по устной традиции, тухум Огъзузилал был известен и в с. Хунзах. Не случайно, видимо, к роду хана Сураката возводят свое происхождение кумыкские эрпелинские карабудахкентские, кафыр-кумукские, губденские, гелинские и гамринские карачи-беки. Вместе с тем ну-

⁸ Гаджиев М. С. Поселение Пирмешки и его некрополь. *История, археология и этнография Кавказа*. Т. 14. № 2. С. 10–22. Там же библиография.

ждается в специальном рассмотрении, не входящем в число целей данного исследования, вопрос об отношении к вышеупомянутым антропонимам и ойконимам, имени Хашим б. Сурака, основателя династии Суламидов Дербента, который был назначен сюда в 869 г. наместником и совершил в 876 и 885 гг. набеги на Сарир. В свою очередь, антропоним *Байар* может быть соотнесен с тюркским этимологом известного славянского тюркизма *баяр/бояр*(ин), который известен, например, в кумыкском фольклоре как *маяр*.

Нотационные знаки и проблема их дешифровки (на примере словесно-слоговых письменностей Нового Света)

А. И. Давлетиин (Институт восточных культур и античности ВШЭ, Мезоамериканский центр РГГУ)

Современная теория письма гласит, что все письменности содержат знаки трех функциональных классов — фонетические, пунктуационные и диакритические. Словесно-слоговые письменности также включают словесные знаки и иногда семантические детерминативы. Тем не менее, все дешифрованные письменности также обнаруживают нотационные знаки (такие как цифры и тамги). В современных системах транслитерации для нотационных знаков даже нет специального обозначения. Цель доклада состоит в описании (универсальных) свойств нотационных знаков и разработке методов, которые могут быть использованы для установления их чтения. Основным методом является внутреннее наблюдение пользователя разных систем письма.

Нотационными мы будем называть знаки, которые передают набор значений, относящихся к определенной области знаний, и образуют нотационную систему (которых в конкретной письменности может быть больше одной). Они читаются на языке письменности, однако их значение в первую очередь определяет отношениями знаков внутри нотационной системы (решеткой или таблицей смыслов). Рассмотрим чтение нотационного знака **1** и его фонетического эквивалента **о-д-и-н**. Во-первых, чтение знака **1** есть в первую очередь чтение, неравное чтению знаков от **2** до **0**, и, во-вторых, знак **1** не употребляется в контекстах слова “один”, отличных от нумерации и исчисления, таких как “он живет один”. Эта иллюстрация позволяет объяснить три важных комбинаторных свойства нотационных знаков. 1. Нотационные знаки (почти) никогда не принимают звуковых подтверждений и не замещаются фонетическими написаниями в параллельных текстах (поскольку чтение нотационного знака неравно чтению словесного). 2. Они часто сочетаются друг с другом, образуя композитные нотационные знаки, например, **12** (поскольку читаются как соответствующее слово). 3. Они могут инкорпорироваться в ненотаци-

онные тексты как словесные знаки и принимать звуковые подтверждения, часто получая альтернативное лексическое чтение, например, **1-й** (по той же причине). Нотационные знаки могут образовывать тексты сами, но, как правило, используются в комбинации со знаками других классов.

В свете предложенного описания становится понятно, что фонетические замещения и подтверждения не могут считаться строгим доказательством чтения нотационных знаков в отличие от словесных. В то же время их отсутствие является важным аргументом при определении знака как нотационного по классу. Анализ контрастирующих замен позволяет выявить нотационную систему, установить состав входящих в нее знаков и описать их значения через друг друга (с помощи решетки смыслов). Контрастирующими замещениями считаются знаки, которые появляются в близких, но никогда не в идентичных контекстах (ср. неполные замещения).

В докладе будут рассмотрены некоторые из нотационных систем ацтекской, майяской и эпольмекской письменностей — знаки недель, месяцев, мер, исторических событий, списков дани и переписей.

Древнеегипетские стелы начальника забойщиков скота Мерера

А. Е. Демидчик (Санкт-Петербургский государственный университет)

Хранящаяся в Национальном музее в Кракове прямоугольная известняковая стела «кравчего, начальника забойщиков скота всего Дома Хуу (по имени) Мерер» — один из важнейших письменных источников по истории Египта в Первый переходный период. Кроме того, как первым отметил О. Д. Берлев, этому же египтянину принадлежала прямоугольная известняковая стела Египетского музея в Каире № 1651. Судя по титулатуре владельца и ряду других признаков, памятники происходят из района Гебелейна — пограничья III и IV верхнеегипетских номов.

Несмотря на то, что текст краковской стелы неоднократно обсуждался специалистами, запечатленная в памятниках Мерера историко-культурная информация выявлена очень неполно и трактуется во многом ошибочно. В докладе будут рассмотрены особенности палеографии надписей Мерера, предложены исправления и новые комментарии к их прочтению и переводу, существенно уточнен смысл отдельных разделов. Оказывается, к примеру, что в строках 10–11 краковской стелы содержится одно из древнейших в египетской письменности упоминаний об аренде земли, а связанные с этим обстоятельства напоминают хозяйственную ситуацию, затем отразившуюся и в письмах Хеканакhta.

При сопоставлении с рядом других памятников из южных номов надписи Мерера позволяют существенно углубить наше понимание социальной

истории Первого переходного периода, в т. ч. дискуссионных вопросов о «голодных лихолетьях», появлении «среднего класса», и т. д.

Памятные стелы как средство сохранения культурного наследия Японии (на примере творчества Масаока Сики)

А. А. Долин (Школа востоковедения НИУ ВШЭ, ИВ РАН)

На протяжении многих веков в Японии существовала заимствованная некогда из Китая традиция увековечивания культурно-исторической памяти нации в виде каменных стел с каллиграфическими инскриптами. На Японских островах количество таких стел исчисляется десятками, если не сотнями тысяч. Поводом для установки стел в определенных локациях могли быть события и персонажи, описанные в сводах мифов, эпохальные сражения, конкретные исторические события, связанные с именами исторических личностей, но подавляющее большинство такого рода памятников связано с жизнью и творчеством деятелей культуры — писателей, поэтов, драматургов, философов, ученых-просветителей.

Особую категорию составляют камни с поэтическими строками известных авторов, образовавшие гигантские «собрания сочинений», порой в тысячи «страниц», которые разбросаны по всей территории архипелага. Стелы устанавливали в родных краях поэтов, в местах, которые они посещали или о которых просто упоминали в своих произведениях. Деятельность муниципальных и префектуральных властей, а также литературных обществ по установке новых стел активно продолжается, но далеко не все памятные стелы сегодня учтены и подробно описаны. Работа по их изучению только начинается в Японии, а за рубежом это направление исследований вообще отсутствует. В нашем докладе мы проследим судьбу запечатленного в камне поэтического наследия крупнейшего классика хайку конца XIX в. Масаока Сики.

Руническая надпись из Южной Монголии

Д. Д. Васильев, Ю. И. Дробышев (ИВ РАН)

В ходе экспедиционных работ в Южно-Гобийском аймаке Монголии в 2019 г. был обнаружен мелкий предмет из нефрита с рунической надписью, предположительно датированный VI–VIII вв. Прочтение надписи, проведенное Д. Д. Васильевым, предположительно дает значение «знаменный». Для столь южных, пустынных районов страны эта находка может считаться весьма ред-

кой. В докладе будет рассказано об обстоятельствах обнаружения артефакта и о процессе дешифровки надписи.

Инскрипция 494 г. из храма Тоутосы как прообраз надписи на «Несторианском памятнике» из Сиани (781 г.)

Д. В. Дубровская (ИВ РАН; ГАУГН)

В настоящее время наука располагает двумя основными эпиграфическими памятниками – стелами «Сияющей религии» (*Дацинь цзинцзяо*), как называлась «Церковь Востока» (традиционно объединяемая под зонтичным термином «несторианство») в Китае. Обе стелы представляют собой основной источник по истории раннего христианства в Танском Китае наряду с рядом манускриптов, в основном обнаруженных в 1900 г. даосским монахом Ван Юаньлу (王圓籙) в знаменитой «Библиотечной пещере» № 17 в Дуньхуане и исследованных первым публикатором христианских документов из Дуньхуана Полем Пеллио (1878–1945) в 1908 г.

Самая знаменитая — первая стела, обычно именуемая просто «Несторианским памятником», была воздвигнута в Чаньани в 781 г. в годы правления императора Дэ-цзуна (德宗; 780–895 гг. пр.) в ограде монастыря Церкви Востока, заложенного еще вторым танским императором Тай-цзуном (太宗; 627–649 гг. пр.). Название вырезано на самом камне: «Памятник о проповедовании (распространении) Сияющего учения [из] Дацинь в Китае» (大秦景教流行中國碑; *Дацинь цзинцзяо люйсин Чжунго бэй*). Этот хорошо известный уникальный образец несторианской эпиграфики рассмотрен в целом ряде работ как классического периода, так и недавних.

Существует мнение, что образцом для надписи стала буддийская инскрипция из храма Тоуто(сы) (頭陀寺碑文), выполненная в 494 г. Ван Цзинем (王巾) (ум. 505). Текст надписи из буддийского храма опубликован в: *Тоутосы бэйвэнь*; Надпись [из] храма Тоуто (頭陀寺碑文). *Wikisource*. URL: <https://zh.m.wikisource.org/zh-hant/頭陀寺碑文> (дата обращения: 29.01.2021) и не переводился на европейские и русский языки.

В докладе будет сделана попытка проследить сходства и различия этих двух надписей, основываясь на том, что инскрипция из Тоутосы не представляет собой записи исторических деяний, являясь достаточно типичным буддийским рассуждением-поучением.

Неопубликованные памятники арабской эпиграфики Северного Кавказа из собрания Государственного музея Востока

И. В. Зайцев (ИВ РАН, Государственный музей Востока)

В фонде Скульптура Кавказа и Средней Азии Государственного музея Востока хранится три каменных предмета (фрагмент могильной плиты, строительный блок и каменная каминная доска в форме арки), которые имеют на поверхности арабографичные надписи, нанесенные разными способами. Только один предмет (каминная доска) имеет номер книги поступлений и дату поступления в Музей — 1984 г. Два предмета, скорее всего, в силу общности происхождения скорее всего также относятся к поступлениям этого времени.

1. Фрагмент плоской надгробной стелы в богатом резным орнаментом. Без номера. Песчаник. Размер сохранившейся части 60 x 92 см. Надпись процарапана острым инструментом почерком *насах*:

صاحبه هذا القبره اخيجه ابن فاگه رحمة الله عليهم اجمعين

Перевод: «Владелец этой могилы Ахиджа сын Фага, да благословит Господь их всех». Имя погребенного *ахидже* вероятно связано с арабским «брат». Чтение имени его отца *фагхе* вызывает трудности. Орнамент и форма плиты имеют ближайšie аналогии в искусстве аула Кубачи.

2. Массивный строительный блок с рельефной надписью почерком *сульс*.

إِنَّا قَتَحْنَا لَكَ قَتْحًا مُّبِينًا

قد عمره اشعبان وصنع و داد

Перевод: «Воистину, Мы даровали тебе явную победу» [Коран, 48:1].

Отремонтировано 15 шабана и сделано и ...». Скорее всего, блок является частью более обширной надписи, касающейся реставрации какой-либо общественной постройки, например, мечети, минарета или медресе.

3. КП 34060. Поступила в постоянное хранение по акту № 34 от 16.03.1984 (Архив ГМИНВ, оп. 87, д. 1/1984, лл. 103–110). Каминная арка. Размер 80 x 63 см. Надпись в арабской графике в 4 регистрах почерком *сульс* читается не целиком, однако, возможно, содержит имя мастера (?) Али ал-Урари (жителя, одного из соседних аулов). Самые близкие аналогии плите (зачастую с нечитаемыми надписями-подражаниями) находятся в музеях Дагестана (Национальный музей в Махачкале), Эрмитаже, коллекции Ага-хана и др. (например, каменный наличник камина, с. Кубачи. Работа мастера с. Сутбук. Эстампаж Е. М. Шиллинга, 1949). Они датируются XVIII–XIX вв. и однозначно связываются с аулом Кубачи (см. напр.: Кильчевская Э. В. Декоративное искусство аула Кубачи. М., 1962. Табл. 6).

Таким образом, все три предмета, с высокой долей вероятности, происходят из аула Кубачи (или его окрестностей). Все три могут быть датированы концом XVIII–XIX в.

Арабская эпитафия лезгинских селений Маза и Миджах (XI–XVI вв.)

3. Ш. Закарияев (*Дагестанский государственный университет*)

Доклад посвящен результатам нашего исследования эпитафических памятников горных лезгинских селений Маза́ и Миджа́х. Эти старинные селения расположены на территории Ахтынского района, что на крайнем юге Республики Дагестан и Российской Федерации, вблизи Главного Кавказского хребта, по гребню которого здесь проходит граница с Азербайджанской Республикой. Эпитафика селений представлена надписями на арабском языке и прежде была изучена лишь частично. Применяемая нами методика сплошного исследования эпитафики историко-культурных комплексов и отдельных селений позволила выявить в Мазе и Миджахе много неизвестных прежде надписей. Кроме того, нами предложено новое прочтение некоторых арабских надписей.

Высокогорное заброшенное селение Маза расположено на высоте около 2000 м над уровнем моря, в труднодоступном ущелье реки Маза, впадающей в Ахты-чай, правый приток Самура – самой крупной реки Южного Дагестана. Здесь нами впервые обнаружены куфические надписи, о существовании которых в Мазе прежде не было известно. Памятники архаичным арабским почерком «куфи» представлены как эпитафиями, так и благопожелательными надписями. По совокупности палеографических признаков они датируются в пределах XII–XIII вв. На старинном кладбище селения Маза нами исследованы надмогильные памятники разных эпох. Помимо куфических надписей, здесь имеются эпитафии, выполненные почерком «наسخ». Наиболее ранние из них датируются XIV–XV вв. Большинство средневековых эпитафий мазинского кладбища не имеют даты, поэтому при их датировке мы опираемся на данные палеографии. Задачу датировки недатированных текстов облегчает наличие на кладбище стелы с эпитафией от 1525 г. Нами предложено новое прочтение этой ценной эпитафии, включая имя покойного. Именник мазинских эпитафий включает как арабские имена, так и редкие местные имена, восходящие к доисламской эпохе.

Представляют интерес строительные надписи полуразрушенной Джумамечети Маза. Среди них следует выделить надпись 1534 г. о ремонте мечети. Это одна из редчайших в Дагестане датированных строительных надписей

XVI в. Мы пришли к выводу, что мечеть в Маза первоначально была построена не позже XI в., поскольку примерно к концу X в. относится указание на захват селения курайшитами, согласно дагестанскому историческому сочинению «Та'рих Маза». Находки в селении куфических надписей также указывают на раннее распространение здесь ислама.

Из надписей селения Миджах наибольший интерес представляет эпитафия XIV–XV вв. Мы предлагаем новое прочтение этой эпитафии. Помимо прочего, нами впервые установлено, что часть текста представляет собой отрывок из произведения средневековой арабской поэзии. Установлено и авторство стиха.

Образ «Охотника пустыни» (Nwt.k-nw) в 455 речении текстов пирамид

О. И. Зубова (ИБ РАН)

В погребальных покоех пирамид царей VI династии (2423–2263 до Р.Х.) Пепи I, Меренра и Пепи II запечатлено речение РТ 455, в котором в мифологическом контексте представлен обряд очищения богов Хора, Сета и умершего царя, ставшего Осирисом. Это очищение (*wab*) означало уничтожение зла (*Dwt*), причиненного взаимно Хором и Сетом в их соперничестве. Уничтожение этого зла во время ритуала символически приводило к «падению на землю» *Dwt*, направленного против царя-Осириса. Воплощением этого зла являлась некое существо, которое в тексте именуется *Nwt.k-nw*. Это имя, из-за неясности его смысла, переводчики Текстов пирамид, например С. Мерсер и Р. Фолкнер, избегали переводить. Иероглифическое написание имени *Nwt.k-nw* в сопоставлении с вариантами всех трех пирамид, при привлечении других пирамидных текстов, содержащих его имя (из гробницы царицы Нейт — РТ 665, РТ 759), на наш взгляд, дает основания трактовать обладателя этого имени как олицетворение смерти, связанной с представлением о пустыне и охотнике, несущем угрозу существованию царя в ином мире.

Завершение этого речения (*Пур.* §851b), также не имеющего единой трактовки среди египтологов из-за сложности его прочтения, позволяет предположить, что очищение от зла (т.е. смерти), содеянного против царя-Осириса «Охотником пустыни», означало освобождение от смерти вместе с царем обитателей иного мира — «очистившихся аху», пребывающих под его покровительством. Такое предположение было бы важно для понимания сoterической роли царя в отношении его подданных в контексте заупокойного царского ритуала.

К истории иудейской общины на Мангупе (по данным эпиграфики)

Н. В. Кашовская (Музей истории религии)

Устные предания и скудные письменные свидетельства отражают разные этапы распространения иудаизма за пределы своей исторической родины, хотя и в довольно искаженной форме. Надгробные камни «значительной общины» Мангупа — «неприступного города в Крымских горах, населенного евреями» должны занять достойное место среди памятников еврейской Диаспоры времен средневековья.

Крым с прилегающим побережьем Черного и Азовского морей является тем регионом, где литературно-эпиграфическими источниками исторически доказано существование еврейских общин с первых веков новой эры. По материалам раскопок, проводившихся на плато Мангуп с середины XIX в. и продолжающихся по настоящее время, одним из наиболее изученных является турецкий период, к тому же это время достаточно хорошо освещено в письменных источниках. В рамках заявленной темы вряд ли есть необходимость останавливаться на широком круге источников XVI–XVIII вв., в которых упоминается и красочно и эмоционально описывается жизнь иудеев на Мангупе. Считаю крайне важным остановиться на первых научных описаниях Мангупа и построек, уцелевших на его плато.

Перешедшие в XX в. нерешенные вопросы датировки кладбища в балке Табана-дере поставили перед исследователями конкретные поисковые задачи: многосторонние фиксационные работы на могильнике для определения степени достоверности надгробных текстов как исторического источника, розыск эстампажных собраний. На протяжении ряда полевых сезонов (1990–1995, 2005–2010 гг.) на иудейском могильнике Мангупа были проведены работы с целью максимального обнаружения уцелевших надгробий, их паспортизации, топографической фиксации, составления каталога надписей и их датирования. На могильнике обнаружено и зафиксировано 1008 надгробных памятников, только пятая часть из них — 228 памятника — снабжена текстами. Изучение эпитафий позволило определить время могильника Табана-Дере и появление общины на Мангупе, оставившей его: с 40-х гг. XV до 70-х гг. XVIII в. и прийти к следующим выводам.

Однотипность почерков эпитафий с именем Ефросиния (по С. М. Дубнову № 1; Кашовская — № 825) и на соседнем надгробии, принадлежащем ее сестре Эстер (Кашовская — № 828), и обнаруженные фотоархивные материалы и эстампажи позволили решить вопрос о датировке каталога Дубнова-Гидалевича. Стиль и язык эпитафий снимает акцент о способах различий

датировок по хроностихам. На могильнике имеется много примеров, когда эпитафии приводились только на бумаге: было найдено 8 надгробий, надгробные тексты с которых в Авне-Зиккарон А. С. Фирковича прописывались дважды — под древней и реальной датой.

О датировке памятника Моше бен Ицкаха (Кашовская № 848), начиная с П. И. Кеппена, затем А. С. Фирковича у исследователей не было единого мнения: 1. 5034/1274 г.; 2. 5204/1444 г. По результатам последних изысканий на могильнике памятник может быть отнесен к 5204/1444 г. и определен как самый ранний. Когда разночтения по датировке составляет 170 лет, то дополнительными аргументами в точной датировке надписи выступают стиль и почерк вырезанного посвяtitельного стиха. Недавно пополнившее Собрание надгробных текстов надгробие с эпитафией Аврааму из семейства Моше (Кашовская № 849), обнаружило совпадение на данных двух надгробиях в почерке, который был не только синхронен, но и принадлежал руке одного и того же мастера. Это интересное наблюдение позволяет говорить об отношении этих могил к одному семейному гнезду, что, в итоге, разрешило вопрос о датировке надгробия самого Моше.

Эпиграфические особенности передачи образа Хора в текстах из Нубии

Э. Е. Кормышева (ИБ РАН)

В докладе рассматриваются эпиграфические свидетельства культа Хора в Нубии, имя бога, его локализация, эпитеты, а также царские протоколы времени независимого царства Куш. Прослеживаются заимствования из египетских источников, приводятся примеры использования египетских формуляров надписей при передаче местных особенностей адаптации культа египетского Хора в Нубии.

Тушь и киноварь, нефрит и панцири черепах: чем и на чем писали во втором тыс. до н. э. в Китае (на материалах археологии поздней династии Шан (XIV–XI вв. до н. э.))

М. Е. Кузнецова-Фетисова (ИБ РАН)

Иероглифика, развивающаяся в Восточной Азии уже более трех тысячелетий, впервые начала употребляться для записи текстов в период Шан-Инь, который традиционные письменные источники датируют XVI–XI вв. до н. э. Первые массовые надписи появляются на гадательных костях (это чаще всего

были лопатки крупного рогатого скота и панцири черепах). Большинство из дошедших до наших дней надписей было вырезано на поверхности носителя. Надписи, выполненные кистью, также известны, и хотя их крайне мало, они имеют особое значение. Помимо употребления пигментов черного цвета, встречаются и красные красители; в том числе известны находки ряда надписей киноварью на ритуальных нефритовых предметах. В докладе будут рассмотрены и систематизированы образцы подобных надписей.

Половая идентификация Цзы из Хоуцзячжуана (к вопросу о женской культуре в поздний период эпохи Шан)

Д. Е. Куликов (ИБ РАН)

Доклад посвящен исследованию вопроса о половой идентификации главного персонажа корпуса древнекитайских гадательных надписей позднешанского периода (XIII–XI вв. до н. э.), обнаруженных в 1991 г. в археологическом комплексе Восточная часть Хуаюаньчжуана (花园庄东; сокр. Хуадун; 花东) Иньсюя (殷墟) (близ Аньяна, пров. Хэнань). В настоящее время в качестве основных критериев для половой идентификации лиц, фигурирующих в шанских надписях, является их принадлежность к группе *цзы* (子; «сыновья») или *фу* (妇; «жены»). Кроме того, женская идентификация устанавливается по сведениям надписей о деторождении («разрешении от бремени»). Однако тот факт, что согласно некоторым инскрипциям, субъектом деторождения называются персонажи из группы *цзы*, и некоторые из них одновременно входят в группу *фу*, встречаясь в надписях под двумя именами (*цзы* и *фу*), позволяет утверждать, что часть *цзы*, по поводу которых отсутствуют сведения о деторождении, следует идентифицировать как женских персонажей. К ним мы относим Цзы (子) из Хуаюаньчжуана. Все гадания совершались по заказу этого лица или при его прямом участии. Наше предположение заключается в том, что данное лицо следует рассматривать как женщину – заказчицу гаданий и гадательницу.

Предметом исследования являются гадательные надписи, которые можно интерпретировать как подтверждение версии о женской идентификации Цзы. Главные аргументы, свидетельствующие о Цзы как женщине, сводятся к следующему:

Основными объектами жертвоприношений хуадунской Цзы являются женские предки — «Праматери» (би; 妣, в количественном выражении они встречаются значительно чаще, чем мужские предки).

Наиболее часто встречающимся в хуадунских гадательных надписях ритуалом является обряд экзорцизма *юй* (禦), который расценивается некоторыми исследователями как ритуал, совершаемый женщинами.

Особенно близкими представляются отношения Цзы и правительницы Фу Хао (妇好), такого рода отношения скорее присущи двум связанным родственными связями женщинам, чем мужчине и женщине (например, сыну и матери).

Сведения о том, что Цзы разучивает песни, исполняет танцы, в том числе, перед правителем — Дином (丁), являются косвенным подтверждением того, что этот персонаж следует считать женским.

Наиболее часто путем даров Цзы вступает в коммуникацию с женщиной (Фу Хао), а не с мужчиной (Дин). Ассортимент даров, в числе которых встречаются предметы одежды и украшения, имеет черты женских подарков.

Сведения об участии Цзы в военной кампании и охоте коррелируют со сведениями об аналогичных действиях Фу Хао и других *фу* из ванских гадательных надписей и могут расцениваться как свидетельство о высоком социальном статусе женщины, принадлежавшей к элите шанского общества.

Идентификация Цзы из Хуаюаньжуана как женщины, занимавшей высокое место в социальной иерархии Шан, позволяет прийти к заключению, что в период правления У-дина (XIII в. до н. э.) женская культура в значительной степени отличалась от традиционной древнекитайской культуры, ограничивающей женщину домашней сферой. В этот период женщина из царского клана обладала вполне самостоятельным статусом, который, видимо, был в определенной степени равным мужскому.

Эпиграфические исследования в гробнице Каемнофрета в Гизе: история и современность

М. А. Лебедев (ИВ РАН)

Гробница чиновника Каемнофрета (LG 63), находящаяся вблизи процессионной дороги Хуфу на восточной окраине некрополя Гизы, известна исследователям уже с первой четверти XIX века. Ранние описания и рисунки, сделанные в ее вырубленной в скале часовне, указывали на большое количество качественных рельефов. Первым исследователем, подробно изучившим гробницу Каемнофрета в 1842–1843 гг., стал К. Р. Лепсиус. Рисунки и описания, сделанные во время его экспедиции, долгое время были основным источником информации об этом погребальном памятнике. Затем в часовне работали американские и египетские специалисты, а с 2015 г. в гробнице проводились исследования российской экспедиции. В докладе приводится обзор истории эпиграфического изучения часовни Каемнофрета от первых рисунков XIX в. до создания трехмерных моделей в начале XXI в. Рассматриваемый частный случай одной гробницы в действительности хорошо иллюстрирует

эволюцию эпиграфических исследований в Гизе в целом. Делаются выводы о перспективах дальнейших эпиграфических работ на памятниках, введенных в научный оборот еще в XIX в.

Роль А. Л. Коцейовского в исследовании эпиграфики Древнего Египта

В. В. Левченко (*Одесский национальный морской университет*)

Российский историк и филолог А. Л. Коцейовский (1887–1919) – выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик основателя российской египтологии Б. А. Тураева и приват-доцент Новороссийского университета в истории исторической науки известен как специалист в области египтологии, коптологии и эпиграфики Древнего Египта.

Главным научным наследием А. Л. Коцейовского является магистерская диссертация, основанная на одноименной религиозной и заупокойной достопримечательности египетской письменности — «Тексты пирамид» (1917). Это был первый и единственный перевод на русский язык древнеегипетских надписей, оставленных на стенах внутренних помещений пирамид, расположенных в Саккара, некрополе фараонов Мемфиса.

До А. Л. Коцейовского эти надписи изучал француз Г. Масперо, который в 1894 г. опубликовал их под названием «Надписи пирамид Саккара». В 1908–1922 гг. немецкий исследователь К. Зете издал «Древнеегипетские Тексты пирамид» с комментариями и переводом на немецком языке. При подготовке своего варианта перевода надписей А. Л. Коцейовский проводил анализ работ предшественников. Он указывал, что Г. Масперо «оставил без перевода целые разделы, слишком интересные для каждого, кто занимается прошлым человечества», а К. Зете «частично избавил от указанных недостатков» труд Г. Масперо, который при изучении текстов пирамид, до сих пор считается основным.

«Тексты пирамид» – крупнейшее достижение А. Л. Коцейовского в области египтологии, задумывались им как первый том шеститомного труда, в котором должны были быть представлены основательные исследования древнеегипетских памятников. В структуре первого тома перевод трехсот надписей занимает лишь малую часть, около ста страниц. Более трети ее объема занимает вступительная статья автора, в которой он объясняет особенности взглядов древних египтян на значение культа предков, культа умерших царей, излагает причины появления текстов в пирамидах, структуру и характер этих текстов, их значение и критерии определения датировки и места создания текстов, их состав. Остальной объем занимают приложения, которые объясняют

суть текстов, как они выдавались, переводились, как их читать и понимать, фотографии надписей из пирамиды фараона Унуса.

Значение «Текстов пирамид» в том, что автор не ограничился переводом, а провел основательное научное исследование этого памятника, используя весь известный на то время материал по вариантам текстов. Для современной исторической науки выполненный А. Л. Коцейовским перевод текстов пирамид считается не сохранившим их первоначального значения. Однако не теряют ценности его преданность науке и желание осуществить полный перевод текстов на русский язык.

В XX в. переводы надписей выходили на французском, английском и чешском языках. Таким образом, тексты пирамид полностью переведены и изданы на французском, немецком и английском языках. На русском языке существует неполная версия перевода, осуществленная А. Л. Коцейовским.

Эпиграфические памятники коллекции башкирского народного декоративно-прикладного искусства в собрании БГХМ им. М. В. Нестерова и проблемы их дешифровки

*Э. Р. Мамлеева (Башкирский государственный художественный музей
им. М. В. Нестерова)*

Коллекция башкирского народного декоративно-прикладного искусства в собрании БГХМ им. М. В. Нестерова, собранная за вековую историю музея, дает представление о народном искусстве центральных и восточных районов Башкирии. История ее формирования связана с 1920-ми гг. — с первыми музейными экспедициями в центральные и восточные районы Башкирии, одной из главных целей которых было изучение жизни и быта башкир и приобретение у коренного населения уникальных произведений народного искусства.

Отдел башкирского народного искусства в музее организован в 1928 г. директором Ю. Ю. Блюменталем. Основные пополнения коллекции музея были сделаны во время экспедиций 1928–1935 гг., причем ряд приобретенных у населения экспонатов можно отнести к уникальным, составляющим в настоящее время золотой фонд собрания. В последующие годы коллекция продолжала пополняться экспонатами от частных лиц и повторных экспедиций научных сотрудников музея.

При работе по расшифровке текстов, написанных или вышитых разными видами письменности и каллиграфии, которые использовали древние башкиры, установлено, что на некоторых «хараусах» (женская налобная повязка) в рисунке вышитого орнамента использованы: уйгурописьменный текст, име-

ющий транскрипцию: «Мин гиз киаши» и переводится, как «Я еще девочка (старая дева)»; рукописменный текст с транскрипцией «Гз» переводится «Дивчина»; арабический текст с транскрипцией «Кз аидди» имеет значение «Кыз утте; Девочка созрела».

А также была проведена первоначальная расшифровка текстов на монетах женского головного убора «кашмау». Следует отметить, что этот процесс оказался весьма сложным в связи с тем, что многие детали надписей и гравировка на монетах стерты временем и потеряли исходные контуры. Более глубокое изучение текстов украшений традиционного костюма башкирской женщины может дать еще более интересную историческую информацию об уровне контактов наших предков с другими народами.

На слайдах показаны экспонаты из собрания музея: женские налобные повязки «хараусы» (замечательнейшие образцы старинной вышивки башкир), кашмау (праздничный головной убор башкирской женщины), сакал, селтэр, яга (нагрудные украшения из кораллов и серебряных монет).

Датированные памятники XI–XVII вв., выявленные Дагестанской эпиграфической экспедицией в 2017–2021 гг.

М. А. Мусаев (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН)

Эпиграфические тексты — один из основных источников духовной, религиозной, политической, социальной и экономической истории средневековья Восточного Кавказа. Учитывая важность, изучение надписей, сосредоточенных в Дагестане, продолжается. В числе множества интересных находок эпиграфических экспедиций Института истории, археологии и этнографии Дагестанского ФИЦ РАН в 2017–2021 гг., следует отметить следующие:

В заброшенном с. Кала-Корейш (Урцмуци) Дахадаевского района в 2017 г. выявлен надгробный памятник с указанием на 412 г. х., что соответствует 1021/22 г. Это один из самых ранних датированных надгробных памятников известных на дагестанской территории. Старше, и лишь на год, происходящий из Дербента или округи. Здесь следует подчеркнуть, что эпиграфические памятники, датированные более ранними веками, известны, но это не эпиграфия, а строительные надписи;

В 2019 г. на кладбище в с. Хадаги Кайтагского района обнаружен памятник редкой столбовидной формы. Он датирован цифрами 868 г. х. (1463/64 г.), что очень редко встречается на памятниках региона ранее XVI в. Известно лишь несколько таких образцов;

Там же в с. Хадаги выявлена могильная стела датированная абджадийей. На плиту нанесены буквы со значением 3, 50 и 700, что в итоге относит памятник к 753 г. х. (1352/53 г.).

К интересным находкам 2020 экспедиционного года следует отнести текст на камне, встроенном в минарет мечети в с. Худуц Дахадаевского района. Надпись относится к 1035 г. х. (1625/26 г.) и соседствует с известной науке дарственной грамотой 718 г. х. (1318/19 г.). При этом если о тексте начала XIV в. хорошо известно, то о надписи начала XVII в. не сообщается. Данное обстоятельство служит дополнительным обоснованием того, что при проведении эпиграфических экспедиций необходимо охватывать не только территории, где исследователь не бывал, но и населенные пункты, которые считаются изученными эпиграфистами.

«Apulus et Calaber, Siculus mihi servit et Afer»: к вопросу о надписи на мече короля Сицилии Рожера II

В. В. Прудников (ИВ РАН)

Если верить многочисленным средневековым источникам эта надпись была нанесена на королевский меч Рожера II и означала буквально следующее: «апулиец и калабриец, сицилиец мне служит и африканец». Очевидно, что речь в этой фразе идет не о религиозной и этнической составляющей этих терминов, а исключительно о территориальной принадлежности. А вернее, о политической составляющей, т. к. Апулия, Калабрия, Сицилия и Северная Африка представляли собой на тот момент отдельные исторически сложившиеся политико-административные регионы.

Едва ли кто из современников мог видеть этот меч непосредственно. Эта надпись скорее указывает на девиз, который мог быть нанесен на печать (об этом свидетельствует англо-норманнский автор Ральф Нигер), монеты и другие предметы. Тем не менее, традиция привязывает эту надпись к мечу. Об этом свидетельствует большинство сохранившихся данных от хронистов XII в.: Жоффруа Вижуасского, Ральфа Дицетского, Гervasия Тильсберийского и др. Все их отчеты объединяет общая отсылка к успехам норманнов в Южной Италии, Сицилии и прочих регионах Средиземноморья, одним из итогов которых стала знаменитая надпись на мече Рожера.

Особый интерес представляет свидетельство пятьдесят четвертого дожа Венецианской республики Андреа Дандоло (1305–1347), который в своей «Хронике» сообщил, что король Сицилии Рожер захватил несколько крупных городов в Африке, множество крепостей и «короля Туниса сделал своим данником (regemque Tunixii sibi tributarium fecit)». По его мнению, именно

эти события послужили основанием для нанесения известной надписи на меч Рожера.

Британский ученый Д. Абулафия в статье «Норманнское королевство Африки» приходит к ряду интересных выводов, которые он сделал при исследовании истории, связанной с надписью на мече Рожера. Во-первых, он усмотрел явную связь с амбициями норманнов, которые к середине XII в. и привели к впечатляющим результатам в различных регионах Европы, Азии и Африки. Во-вторых, он указал на античное наследие, нашедшей отражение в Руанской поэме: применение триумфального языка римских императоров и генералов.

Абулафия считает, что приказать нанести подобную надпись на меч, было вполне в характере Рожера II, чтобы продекламировать равенство его деяний с победами Юлия Цезаря и Сципиона Африканского. Он также отмечает, что Рожер остро осознавал связь со своими античными предшественниками — сицилийскими тиранами и эта связь нашла отражение в чеканке монет, саркофагах и пр. Таким образом, английский ученый полагает, что дело в самом мече, а тех способах, которые норманнские правители избирали для прославления своих деяний.

Эпиграфический памятник ордынской княжны Тулбии (XIV в.)

Э. Г. Сайфетдинова (Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан)

Доклад посвящен описанию эпиграфического памятника ордынской княжны Тулбии, засватанной в Египет за мамлюкского султана ан-Насира в начале XIV в. Дипломатические отношения Орды с мамлюкским Египтом завязались еще во второй половине XIII в. и продолжились вплоть до середины XV в. За этот период государства обменялись более 50 посольствами, в процессе которых разрешались вопросы политического, экономического и религиозного порядка. С целью упрочения связей между двумя государствами был заключен и династический брак между султаном Египта Мухаммедом ан-Насиром и представительницей чингизидского рода по имени Тулбия, красочно описанный в средневековых арабских летописях.

Тулбия, называемая также Дулунба и Тулубия, дочь Тогаджи, сына Хинду, сына Бертеку, сына Джучи-хана, сына Чингисхана приходилась двоюродной сестрой золотоордынскому правителю Узбеку. Отец Узбек хана Тогрул и отец Тулбии Тогаджи (Такаджу, Таджу) согласно родословным, составленным Рашид ад-Дином, являлись родными братьями. Некоторые арабские летописцы называли ее также дочерью Бурлюка.

В Египет Тулбиа прибыла с большим сопровождением в мае 1320 г. и вскоре после прибытия был заключен брачный договор, в котором была определена и немедленная и срочная уплата приданого. Тулбиа пробыла в замужестве за султаном около 8 лет, но не смогла родить ему наследника. После расторжения брака она еще несколько раз выходила замуж и скончалась в Каире в 1335 г.

Надгробный памятник с эпитафическими надписями, датируемый XIV веком, сохранен в отдельном склепе в Каире. О существовании этого памятника сообщил проф. Мерен, отмечая, что в средневековой Европе Тулбиа была известна как состоятельная и знатная госпожа, а испанский поэт Алонсо де Эрсилья-и-Суньига (XIV) восхвалял ее дворец.

Возведение мавзолеев правителей и знати являлось традиционным для мамлюкского периода. До сих пор в Каире существует так называемый «город мертвых», в котором сохранены памятники-усыпальницы. Изучение данного эпитафического памятника — важное свидетельство существования тесных дипломатических отношений Орды с мамлюкским Египтом, еще один знаменательный источниковедческий материал для изучения средневековой истории.

К вопросу об истории торговых путей на территории Чеченской Республики (по материалам находок куфических дирхемов)

А. М. Салгиреев (ИБ РАН; НИУ ВШЭ)

Античные авторы уже во второй половине I тыс. до н. э. свидетельствуют о функционировании северокавказских трассах Великого шелкового пути.

Сам же маршрут часто претерпевал изменения. Так, продолжительные конфликты между Византийской империей и государством Сасанидов вынудили в VI–VII вв. н. э. изменять существующие пути и использовать новые, более безопасные маршруты.

В середине VIII в., после того как произошел спад в арабо-хазарском военно-политическом противостоянии. Начинают восстанавливаться старые караванные пути, связывавших Северный Кавказ с Передней Азией и Юго-Восточной Европой. В этот период усиливается большой *приток куфических монет*.

Анализ кладов и единичных находок куфических дирхем на территории Чеченской Республики, датируемых в VIII–IX вв., позволяет нам составить нумизматическую карту, которая совпадает с линией средневековых поселений аланского периода. Протянувшиеся по предгорьям Северного Кавказа; с востока на север, они составляли линию близкорасположенных фортифика-

ционных укреплений, которые в свою очередь защищали предгорную ветку Волжско-каспийской трассы Шелкового пути. Она являлась не только дорогой торговых связей между центрами цивилизаций, но и являлась главной артерией перемещения войск. В местном фольклоре до сих пор именно этот участок соединительных дорог называется «во пeq», что на чеченском языке буквально означает «дорога войск».

На территории одного из этих городищ, которое находится в 200 м к юго-востоку от сел. Шалажи был найден подростками «клад» из девяти «куфических» монет-дирхемов, четыре из которых смогли сохранить. Атрибуция этих монет показала, что они относятся к периоду династии Аббасидов: ал-Мансура (ал-Мухаммадийа) 152 г. х. (769/770 г.), ар-Рашида (Мадинат ас-Салам) 181 г. х. (797/8 г.); (Мадинат Зарандж) 185 г. х. (801/2 г.) и (Мадинат Балх) 186 г. х. (802/3 г.) Через несколько лет на том же месте нашли новый клад из 7 аналогичных монет, из которых сохранились 4 дирхема и 1 половинка, которые тоже датируются концом VIII в. – началом IX в.

Остальные находки куфических монет, найденных по всей этой линии на территории городищ Майртупское, Дуба-юртовское, Мартан-чуйское: два серебряных дирхема 109 и 110 г. х. (727/728 и 728/729 гг., г. Васит), также относятся к указанному периоду. В итоге, по нумизматическим материалам (аббасидские дирхемы конца VIII – начала IX вв.), можно судить о существовании отдельной ветки транскавказской магистрали Шелкового пути, которая проходила по предгорной полосе Северного Кавказа, в частности по территории Чеченской Республики.

Пиктограммы и иероглифы в надписях на гадательных костях: количественное соотношение

Т. А. Сафин (ИВ РАН; Лаборатория востоковедения и компаративистики РАНХиГС)

Надписи на гадательных костях (цзягувэнь) XIII–XI вв. до н.э. — древнейшие на сегодняшний день эпиграфические памятники на древнекитайском языке. В целом иероглифы цзягувэнь передают единицы живого языка (силлабемы или лексемы) и записывают текст в лингвистическом понимании термина. Но высокая степень изобразительности иероглифов заставляет некоторых специалистов называть их пиктограммами. Более того, настоящие пиктограммы (то есть знаки, передающие визуальный образ, не связанные с конкретным словом и звучанием, которые нельзя однозначно перевести в текст в лингвистическом понимании) в цзягувэнь действительно встречаются. А поскольку мы достоверно не знаем, насколько письменный текст соответ-

ствовал живому разговорному языку, реальную долю пиктограмм в текстах цзягувэнь вычислить невозможно. Один из возможных ключей к решению проблемы — то, как используются в надписях знаки с высокой степенью изобразительности.

В качестве примера можно предложить иероглиф, изображающий утопление в реке быка, барана или яшмы. Как он читался — неизвестно, но смысл угадывается без проблем: знак используется в контексте жертвоприношений и обозначает, несомненно, утопление чего-либо. Утопляемое при этом записывается внутри самого иероглифа. Так что же перед нами: запись конкретного слова со значением «топить», или же пиктограмма, передающая образ «утопить что-либо в реке»?

Имеется примерно сотня надписей о ритуале утопления, и в большинстве случаев приносятся в жертву быки. Несмотря на то, что элемент «бык» уже присутствует в знаке, писцы всегда указывают после него не просто количество («три», «пять»), а количество с указанием: «три быка», «пять быков» и т. д. Более того, в знаке может быть использован элемент «бык», а в жертву приносятся — бараны или даже люди. Очевидно, что для писцов этот иероглиф (изображающий, несомненно, утопление быка) являлся не пиктограммой «топить быка», а иероглифом, который передавал конкретный глагол со значением «топить». Его визуальная составляющая при этом могла расходиться с передаваемым смыслом (изображен бык, а приносится в жертву человек). При замене элемента «бык» на «барана» писцам также приходилось дополнительно уточнять, что в жертву приносится именно баран. Исключений из этого правила удалось обнаружить всего два (приносятся в жертву «маленький баран» и «яшма»), и то перед нами скорее лигатуры, нежели пиктограммы, поскольку их устная реализация при прочтении в тексте однозначна: трудно представить, что их можно прочесть как-то иначе.

Таким образом высокая степень изобразительности знака не гарантирует, что перед нами пиктограмма. Более того, изображение может входить в противоречие с передаваемым смыслом. Подавляющее большинство иероглифов цзягувэнь передает на письме слова древнекитайского языка. Исключения из этого правила есть, но они немногочисленны, сводятся к единичным примерам.

Три царских династии майя в области Лакандонской сельвы: реконструкция династических списков по данным эпиграфики

А. В. Сафронов (МГУ имени М. В. Ломоносова)

Династическая история древних майя является одним из весьма актуальных направлений исследований по истории Мезоамериканской цивилизации,

благодаря огромному корпусу царских надписей на монументальных памятниках классического периода (III–IX вв.) сохранившемуся до наших дней. Иероглифические тексты майя, использующие тщательно проработанную систему датировки по мезоамериканскому календарю, позволяют довольно точно восстановить последовательность и эпизоды правления царей той или иной политики, которых в классический период по приблизительным оценкам насчитывалось не менее сотни. Однако это возможно в тех случаях, когда в политическом центре сохраняется значительный по объему комплекс эпиграфических памятников, посвященных одной династии. Тем не менее нередки примеры плохой или фрагментарной сохранности монументов важного политического центра или же в целом его слабая археологическая исследованность при том, что династия, правившая в нем, играла заметную роль в политической жизни региона. В таких случаях реконструкция династического списка проводится по эпизодическим и часто внешним упоминаниям.

Одним из таких примеров является династическая традиция в области Лакандонской сельвы (восточная часть штата Чиapas, Мексика), в которой к концу раннеклассического периода (примерно в V–VI вв.) сложилось три довольно крупных царства — *Ак'е*, *Шукальнах* и *Саку'и* со своими собственными династиями. Но на протяжении VII–VIII вв. династические линии трех политий тесно переплетаются в плоть до того, что некоторые цари претендуют на титулы кого-то из соседей, поэтому реконструкция династических списков здесь не так проста, как может показаться на первый взгляд. Кроме того, сложности добавляет и фрагментарность корпуса надписей из этих трех царств. Относительно целостным сохранился только корпус памятников из городищ Бонампак и Лаканха — политических центров *Шукальнаха*. В городище План-де-Айутла предполагаемом центре царства *Ак'е*, вероятно самой древней из трех политий, вообще не обнаружено пока никаких монументов, но при этом упоминания царей *Ак'е* встречаются на многочисленных надписях неизвестного происхождения. Такая же ситуация с царством *Саку'и* — одним из самых могущественных образований в долине Усумасинты на рубеже VII–VIII вв., его центр — городище Лаканха-Цельталь начал исследоваться всего несколько лет назад и пока там был найден всего один монумент, но история царей *Саку'и* восстанавливается по внешним упоминаниям и памятникам неизвестного происхождения.

В докладе мы попытаемся систематизировать все имеющиеся в нашем распоряжении данные о царских линиях трех упомянутых царств и реконструировать, с учетом новых сведений, династические списки царей *Ак'е*, *Шукальнаха* и *Саку'и*.

Текст на подставке для курильницы из Группы IV, Паленке (Мексика)

Д. С. Секачева (Мезоамериканский центр РГГУ)

Подставка для курильницы была найдена археологами на территории археологического памятника Паленке (штат Чьяпас, Мексика), на месте которого в древности находился город Лакамха – столица царства Бакаль. Объект выполнен из известняка в виде головы в уборе теотиуаканского типа, украшенном султаном из перьев и дисками с отверстием в центре (так называемыми очками Тлалока), высотой 34,5 см и шириной 24,3 см, в настоящее время хранится в музее имени Альберто Руса.

Подставка была обнаружена при раскопках группы IV — обширного жилого комплекса к северо-западу от царского дворца. Главная постройка комплекса (здание J1) — позднеклассическое (720–800) двухэтажное сводчатое строение с несколькими галереями и лестницей, ведущей на верхний уровень, возвышавшееся более, чем на пять метров. В 1950-е гг. раскопки под центральным двором группы выявили ряд выложенных камнем захоронений различного времени. Все эти признаки свидетельствуют о том, что комплекс на протяжении длительного времени служил резиденцией некой высокостатусной группы. В 1952 г. мексиканский археолог А. Рус обнаружил в группе IV каменную панель с текстом («Панель Рабов»), относящимся к правлению К'инич-Акуль-Мо-Наба III (721 — после 736 гг.), описывающим деяния *сахалья* (наместника) Чак-Суц'а. Эта находка подчеркивает важность обитателей группы IV в социальной и политической иерархии.

Иероглифическая надпись нанесена на фронтальной части (по обе стороны от лица изображенного персонажа), на боковых сторонах и на обороте подставки. Она представляет собой самую близкую аналогию древнеегипетским вельможеским биографиям эпохи Древнего Царства среди эпиграфических источников майя. Текст описывает карьеру одного из высокопоставленных вельмож Бакальского царства Басиль-Чиха. Он происходил из рода сахалей Сик'аба (неизвестный город) и в 660 г. был назначен К'инич-Ханаб-Пакалем I (615–683) на должность *тисакхуна* (хранителя царской короны). Басиль-Чих продолжал служить и царю Кан-Баламу II (684–702) и умер в 701 г. Курильница была создана как мемориативный памятник в честь Басиль-Чиха по велению Ах-Тун-Чувена (вероятно, его сына).

Сведения о составе и организации царского двора, содержащиеся в надписи, позволяют сделать вывод о роли местной знати в придворной иерархии. Новый анализ надписи на основе фотографий Х. Переса де Лары, сделанных в рамках Национального Института Антропологии и Истории, позволяет

идентифицировать ранее не известное военное столкновение с царством Йокиб-К'ина в 701 г. На основании анализа поврежденного пассажира на левой стороне подставки опровергается гипотеза американской исследовательницы С. Джексон, что у областных наместников-сахалей могли находиться в подчинении сахали следующего ранга. Очевидно, что при наличии внутренней иерархии среди сахалей (по другим надписям известны «старшие» и «юные» сахали), они все подчинялись непосредственно царю.

К 160-летию учреждения Археологического управления Индии (ASI)

А. А. Столяров (ИБ РАН; РГГУ)

Учреждению ASI в 1861 предшествовала большая подготовительная работа. Здесь стоит упомянуть и Азиатское общество, созданное в Калькутте в 1784, и Журнал Азиатского общества Бенгалии начавший выходить в 1832, и деятельность энтузиастов, таких как Александр Каннингем и Маркхам Киттоу. Известно несколько периодов существования ASI. Первый связан с деятельностью А. Каннингема. Он длился с 1861 по 1885. Вслед за ним наступил период кризиса, длившегося до начала XX в. Следующий период продолжался до середины XX в. С середины XX в. и до настоящего времени — современный период.

Возглавляет ASI Генеральный директор. За 160 существования на этом посту сменилось 30 директоров, сейчас — 31-й. ASI осуществляет деятельность в 30 округах, возглавляемых суперинтендантами. Каждый из округов поделен на подокруга. Помимо археологических раскопок, проводимых по всей территории Индии, ASI осуществляет огромную издательскую работу, а также работу по сохранению и консервации материального культурного наследия Индии.

Три четверти века «Эпиграфики Востока»

А. А. Столяров (ИБ РАН; РГГУ)

Первый выпуск «Эпиграфики Востока» вышел в свет в 1947 г. Он был подготовлен в Секторе Средней Азии Ленинградского отделения Института истории материальной культуры им. академика Н. Я. Марра АН СССР.

В первые 25 лет существования «Эпиграфики Востока» (1947–1972) ее бессменным редактором была В. А. Крачковская (1884–1974). За это время вышел 21 том. После ее кончины в издании «Эпиграфики Востока» наступил перерыв, длившийся до 1984 г., когда оно было возобновлено редколлекцией,

состоявшей из востоковедов Москвы и Петербурга и возглавляемой академиком Б. Б. Пиотровским. За пять лет (с 1984 по 1988) было выпущено три тома (тт. 22–24). Затем в издании наступил десятилетний перерыв. Следующий, 25-й том появился в свет в 1998 г.

За 22 года — с 1998 по 2020 г. — опубликовано одиннадцать томов «Эпиграфики Востока» (выпуски 25–35); все эти годы ответственным редактором de facto оставался руководитель Отдела истории Востока ИВ РАН Д. Д. Васильев. Начиная с 2013 г. (выпуск 30) ежегодник стал издаваться в твердом переплете, со следующего выпуска, вышедшего в 2015 г., ему был возвращен международный стандартный серийный номер (ISSN 0131-1344), присвоенный в 1947 г. Начиная с 33 тома, вышедшего в 2018 г., «Эпиграфика Востока» входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых; с этого же времени она стала выпускаться ежегодно.

Дарственные грамоты южноиндийской династии Паллавов: к интерпретации образа и роли правителя

Я. В. Тарасюк (*Министерство промышленности и торговли*)

Изучение эпиграфических источников Паллавского царства (около 400 надписей III–X вв. н. э.) позволяет проследить как изменялось общественное устройство в Южной Индии в I тысячелетии н. э. Так, возникновение, расцвет и упадок южноиндийского царства Паллавов сопровождалось реорганизацией общинной системы под воздействием ряда факторов, включая распространение кастовой системы, храмовых культов, религиозных владений, а также развития торговли с Юго-Восточной Азией.

Это широкая тема, требующая фундаментального исследования с привлечением разнообразных источников. В этой работе рассматриваются только некоторые элементы происходивших в то время сложных процессов, нашедшие отражение в сохранившихся эпиграфических памятниках эпохи Паллавов. В частности, предпринимается попытка ответить на вопросы, как формировался и менялся образ правителя, как правитель взаимодействовал с подданными, как Паллавам удалось сохранить свою власть в Южной Индии в течение столь длительного времени.

Еще раз о термине *el* в памятниках древнетюркской рунической письменности

В. В. Тишин (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; ИВ РАН)

Интерпретация термина *el/il* памятников древнетюркской рунической письменности имеет основополагающее значение для исследования не только социальных, но и мировоззренческих аспектов жизнедеятельности исторических сообществ, с которыми связано создание названных источников. В издании переводов памятников, а также словарях можно встретить самый широкий спектр значений, которые контекстуально можно предложить для толкования этого слова – ‘государство’, ‘племя’, ‘народ’, ‘страна’ и т. д. Разные стороны этого спектра значений нашли отражение в различных тюркских языках. В специальных исследованиях социальной жизни древних тюрков исследователи также акцентируют внимание на одной из сторон семантики, которая может быть выявлена у термина *el/il*, исходя из его контекстов употребления в памятниках. В частности, можно указать на статью И. Зимони, содержащую наиболее полную историографическую сводку трактовок термина в работах предшественников и содержащий вывод самого исследователя, что в рунических памятниках восточно-тюркской и уйгурской династий слово следует понимать как ‘*souveräne Macht, Großmacht, Reich*’.

Мы обращаем внимание на то, что в разное время Г. Вамбери, а для памятников древнетюркской рунической письменности М. Зия (Гёк Алп) и Г. Дёрфер (за ним и О. Прицак) указывали на трактовку слова *el/il* как ‘мир (не война)’, приводя в качестве аргумента существование такого слова как *elči* ‘посланник’, которое, как можно судить по енисейскому тексту Уюк-Тарлак (Е 1) фигурирует в таком значении уже в памятниках древнетюркской рунической письменности. Аргумент, что значения *el/il* ‘мир (не война)’ в тюркских языках до XI в. неизвестно, поддерживается только тем, что такая трактовка неизвестна из словарей, но при этом и самих словарей до этого периода неизвестно. Контекстуально же понимание слова *el/il* как ‘мир (не война)’ не встречает никаких противоречий.

В большинстве случаев в памятниках древнетюркской рунической письменности понятие *el/il* выступает в контекстуальной связке с понятием *bodun* ‘народ’, в этих ситуациях обозначающее конкретный социальный организм. Исследователями многократно отмечались такие характеристики понятия *el/il* в памятниках: он может быть «организован» (*et-*), может «поддерживаться» (*tut-*), может быть «приобретен» (*qazyan-*), «взят» или «отобран» (*al-*), «приведен в смятение» (*bulya-*), «погублен» (*arta-*), «взят» (*al-*). Все эти

случаи характеризуют состояния обладания суверенитетом или его утраты конкретным «народом» (*bodun*). Подобно тому, как следуя этноцентричным представлениям авторов памятников древнетюркской рунической письменности, суверенный «народ» должен возглавляться собственным каганом (т. е. не каганом из другого «народа»), через состояние обладания каганом с конкретным «народом» связано состояние обладания *el/il*. Кроме того, в памятниках *el/il* отождествлен еще с конкретным каганом. Вслед за Л. Базеном следует обратить внимание на изафетные конструкции типа «имя кагана+*elijä/elintä*» или «этноним+*elijä*», которые контекстуально можно понимать в значении ‘*Sous le règne...*’. Это позволяет видеть у слова *el/il* пространственно-временную семантику.

Совокупность всех контекстов позволяет заключить, что *el/il* для авторов памятников древнетюркской рунической письменности подразумевает характеристику конкретного «народа», своего рода его такое состояние, когда он обладает суверенитетом под верховенством своего собственного кагана, на своей, т. е. прочно занимаемой, территории, и, главное, пребывает в окружении «замиренных», т. е. побежденных и признающих верховенство его кагана других «народов». Это своего рода состояние независимости, благоденствия и стабильности.

Как выявляется из совокупности контекстов, в комплексе такие факторы, как благоволение Высших сил, личные качества и старания конкретного кагана, обладающего «храбростью» и «мудростью», потому умеющего «приобретать» для «своего» «народа» блага, делая, с одной стороны, его «сытым», «одетым» и «многочисленным», живущим «без ограничений», с другой, держать «замиренными» и «невраждебными» соседние народы, а вместе с этим соблюдение верности в отношении кагана самого этого собственного «народа» (не лишеного в памятниках субъектности) — все эти характеристики в идеале являются залогом существования *el/il* «вечно». В реалиях кочевнического быта это, конечно, никогда не было возможно.

Эстампажи енисейских рунических памятников из коллекции Института восточных рукописей РАН

А. А. Туранская, М. А. Козинцев (Институт восточных рукописей РАН)

Значительная часть енисейских рунических памятников, обнаруженных в конце XIX в. исследователями Сибири и Центральной Азии, довольно хорошо изучена: описаниями и интерпретацией текстов каменных стел и писаниц начиная с момента находки занимались именитые российские и зарубежные тюркологи. Одной из первых и, пожалуй, самых известных на

сегодняшний день публикаций, посвященных енисейским памятникам, является «Атлас древностей Монголии» В. В. Радлова, изданный 1891–1899 гг. В него включены фотокопии отретушированных и неретушированных эстампажей более 40 памятников, которыми до сих пор пользуются тюркологи в своих работах. Между тем, мало кто из специалистов задается вопросом о дальнейшей судьбе оттисков, изданных в «Атласе» более 100 лет назад и запечатлевших надписи эпиграфических памятников, некоторые из которых сейчас считаются утраченными.

Оттиски (на бумаге и ткани) 45 енисейских памятников хранятся в наименее изученном на настоящий момент и практически неизвестном научному сообществу Фонде Центральной Азии и Сибири (ЦАС) Института восточных рукописей РАН. Эта коллекция включает зарисовки (11 шт.) и эстампажи (784 шт.) каменных стел, наскальных и пещерных надписей, и других эпиграфических памятников Сибири, Центральной и Средней Азии. Фонд ЦАС имеет свою особую специфику: он отличается не только широким хронологическим охватом материалов (от петроглифов каменного и бронзового веков до трехязычной стелы 1759 г., установленной в честь победы маньчжуров на берегу оз. Иссык-Куль), но и языковым разнообразием. В него включены эстампажи эпиграфических памятников на 11 языках (древнетюркском, арабском, болгарско-татарском, сирийском, маньчжурском, китайском, согдийском, тюрки, тибетском, монгольском и санскрите). История формирования этой коллекции эстампажей, которая тесно связана с деятельностью знаменитых русских исследователей Сибири и Центральной Азии, археологов, краеведов и лингвистов, практически не изучена, и в ней немало лакун, восполнить которые невозможно в силу разных обстоятельств.

Значительная часть коллекции, 234 эстампажа из 784, были сняты с 45 енисейских древнетюркских рунических памятников, обнаруженных в Хакасии, Туве, Горном Алтае, Красноярске, вдоль рек Лена, Енисей, Абакан, Хемчик, Оя, Элегест и др. (Е-1, Е-2, Е-3, Е-4, Е-5, Е-6, Е-7, Е-8, Е-9, Е-10, Е-11, Е-13, Е-14, Е-15, Е-18, Е-19, Е-20, Е-24, Е-25, Е-26, Е-27, Е-28, Е-29, Е-30, Е-31, Е-32, Е-33, Е-34, Е-36, Е-37, Е-39, Е-40, Е-41, Е-42, Е-44, Е-49, Е-50, Е-51, Е-68, Е-69, Е-71, Е-111–117, Е-120, Е-123–126). Эстампажи были сделаны при помощи различных техник известными собирателями древности конца XIX – начала XX вв.: А. В. Адриановым, Н. П. Евстифеевым, Д. А. Клеменцем, В. А. Ошурковым и др. Доклад посвящен истории формирования коллекции эстампажей енисейских рунических памятников ИВР РАН и уникальным оттискам ныне утраченных памятников.

**Эпиграфические аспекты в деятельности
Археографических экспедиций КГУ в 1960–1980-х гг.
(по материалам экспедиционных дневников М. А. Усманова)**

Д. М. Усманова (Институт международных отношений Казанского федерального университета)

С 1963 г. Казанский университет на регулярной основе проводил Археографические экспедиции, организованные с целью сбора восточных рукописей и старопечатных книг. Организаторами и руководителями экспедиции выступили доцент кафедры истории СССР Ф. Ш. Мухамедьяров и его ученик, аспирант той же кафедры, М. А. Усманов. Начиная с 1965 г. аспирант М. А. Усманов (с 1967 г. к. и. н., ассистент; позднее – д. и. н., профессор КГУ) остался главным участником и руководителем этой экспедиции. В течение 25 лет он ежегодно осуществлял по 1–2 экспедиции. Некоторые из них, помимо основной цели – сбора восточных рукописей и книг, имели и другое предназначение, а именно, эпиграфические исследования. В ряду этих ежегодных Археографических экспедиций КГУ особенно выделяются две поездки в Туву 1971 и 1972 гг., о которых пойдет речь в докладе.

**Аварские грузинографические надписи
из Дагестана (X–XIV вв.)**

Ш. М. Хапизов (Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН)

Еще в середине XX в. авторитетные исследователи пришли к выводу, что первые опыты письменной фиксации аварской речи были связаны с проникновением на Восточный Кавказ христианства и распространением грузинской письменности. Логично, что деятельность грузинских миссионеров должна была сопровождаться не только христианскими проповедями среди местного населения (для чего необходимо было знание ими аварского языка), но и стремлением создать понятную местному населению письменность на основе грузинской графики. Это предположение получило подтверждение в статье А. С. Чикобава от 1940 г.⁹ В 1954 г. Т. Е. Гудава¹⁰ опубликовал еще одну грузино-аварскую надпись.

⁹ Чикобава А. С. Грузино-аварская надпись XIV в. из Дагестана. *Сообщения Грузинского филиала АН СССР*. Тбилиси, 1940. Т. I. С. 325.

¹⁰ Гудава Т. Е. Две надписи (грузинская и грузинско-аварская) из Дагестана. *Материалы по истории Грузии и Кавказа*. Тбилиси, 1954. № 30. С. 187.

В 2014–2015 гг. автором были опубликованы три статьи¹¹, в которых были подробно разобраны пять грузинографических надписей, из которых три являлись грузинско-аварскими, а две другие предположительно составлены на аварском языке. Автор предпринял попытку более полного анализа надписей и предложил свое прочтение надписей. Наряду с этим, возникал вопрос о наличии других грузинско-аварских надписей — ведь если эта практика существовала, то таких памятников должно быть больше. В 2012–2018 гг. автору удалось обнаружить еще несколько камней и обломков крестов с аварскими грузинографическими надписями.

К настоящему времени мы можем говорить о наличии четырех грузино-аварских (№ 1 — городище Галла близ сел. Батлаич Хунзахского района, № 2 и № 3 в сел. Хунзах, № 4 — сел. Ругуджа Гунибского района) и четырех аварских надписей (№ 5 и № 6 — сел. Урада Шамильского района; № 7 — сел. Уркачи Хунзахского района; № 8 — сел. Хучада Шамильского района). Они и являются объектом исследования настоящей статьи, поскольку три из них публикуются впервые, а чтение остальных надписей приводится в другой, расширенной редакции. К примеру, надпись № 4 датируется в соответствии с прочтением автора 1365 г. и является единственной датированной грузинографической надписью на Восточном Кавказе. Наиболее ярким свидетельством существования аварской письменности на основе грузинского алфавита служит надпись № 5. Н. Я. Марр уже в 1924 г. предпринял попытку ее прочтения на основе аварского языка, однако, его работа, посвященная анализу данной надписи, была опубликована лишь в 1947 г., после его смерти¹².

В 2018 г. в частной коллекции антиквара из Хунзахского района, автором был выявлен обломок каменного креста с грузинографической надписью. Она выполнена на аварском языке грузинским шрифтом асмотаврули и датируется нами XI в. Интересно, что в надписи вместо грузинского термина «Опало» (Бог) использовано аварское слово «Гъугъай» (Гром), что предполагает существование в дохристианской Аварии культа Бога-громовержца.

Автор считает, что аварские надписи отражают переход с грузинского языка на аварский в эпиграфике и, возможно, в богослужении. Этот процесс

¹¹ Хапизов Ш. М. О грузино-аварских надписях на каменных крестах. *Вестник ДНЦ РАН*. 2014. Вып. № 54. С. 67–74; Хапизов Ш. М. Ругуджинская надпись (о распространении христианства и ислама в Аварии). *Вестник ДНЦ РАН*. 2015. № 56. С. 36–45; Хапизов Ш. М. Урадинская надпись (к вопросу о развитии аварской письменности на основе грузинского алфавита). *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. 2015. № 58. С. 65–70.

¹² Марр Н. Я. Албанская надпись. *Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра*. № XV. М.-Л., 1947. С. 8.

был прерван набравшей силу исламизацией Аварии и, как следствие, отказом от использования грузинского шрифта в пользу арабского алфавита.

Позднеегипетская стела из собрания Государственного Эрмитажа

А. В. Хапрова (Санкт-Петербургский государственный университет)

Практически не изученная¹³ заупокойная стела музыкантши Тахару, находящаяся в Государственном Эрмитаже, представляет собой характерный пример позднеегипетской стелы хорошей сохранности. Стела прямоугольная со скругленным верхом, фигурами божеств и заказчицы и иероглифической надписью; по периметру тонкая линия и широкий отступ-рамка. Лунетта содержит изображение крылатого солнечного диска, двух глаз-уджат и верхней части жертвенника-Нтр (в качестве его основания выступает черта, отделяющая этот регистр от следующего). В среднем регистре сцена с заказчицей, стоящей перед жертвенным столом с согнутыми в почтительном жесте руками, приветствующей Ра-Хор-ахти¹⁴, Хора и Исиду. На ее голове находится благовонный конус в виде треугольника, на женщине длинное платье, по одной из сторон которого с пояса спускается длинный перекрученный «хвост». На жертвенном столе изображен сосуд, четыре круглые лепешки, две птицы (утки?). Над столом — цветы лотоса, а также столбец с надписью, относящейся к заказчице, под ним — два сосуда для умащений¹⁵, обвитых лотосом. Далее следуют фигуры трех антропоморфных божеств, на голове у которых солнечные диски; Хор и Исида в одной руке держат знаки «анх». Нижний, третий регистр на стеле занят четырьмя строками надписи.

Текст содержит жертвенную форму, обращенную к Осирису, титулы и имя заказчицы стелы, а также ее отца и матери. В целом надпись легко поддается прочтению, но есть несколько палеографических особенностей. Примечательно, что отец Тахару носит титулы «советник, жрец-хесек, жрец-хепетуджат, царский знакомец» (im.j-ic Hck Нр.t-wdA.t gx-nsw), кото-

¹³ Краткое описание памятника приводится в двух работах: Й. Либляйна (Lieblein J. *Die ägyptischen Denkmäler in St. Petersburg, Helsingfors, Upsala und Copenhagen*. Christiania, 1873. № 50. P. 27) и В. С. Голенничева (Golénischeff W. S. *Ermitage Imperial: inventaire de la collection égyptienne*. Leipzig, 1891. P. 155).

¹⁴ Иконографически он похож и на других божеств, например, на Птах-Сокара. То, что это все-таки Ра-Хор-ахти, становится ясно по параллелям: он часто фигурирует на абидосских стелах этого времени (Munro P. *Die spätägyptischen Totenstelen*, Bd. 1–2. *Ägyptologische Forschungen* 25. Glückstadt, 1973. S. 82).

¹⁵ Ibid. S. 106. Это так называемая «абидосская группа символов» (“abydenische Symbolgruppe”), см. Ibid. S. 83.

рые мы также встречаем, например, на стеле из Британского музея EA338; в целом их объединяет множество особенностей оформления. Если говорить о классификации абидосских стел Позднего времени, предложенной П. Манро, рассматриваемый памятник определенно можно отнести к типу «Абидос I», вероятно, к группе G¹⁶. В. С. Голенищев датировал памятник Поздним периодом (ок. VII–IV вв. до н. э.), однако, возможно, есть основания сузить эту датировку до VI в. до н. э.

**Текст 44 из Нах-Тунича (Гватемала) и новые сведения
о позднеклассической истории царства Бук'
(Кампече, Мексика)**

С. А. Хохрякова (Мезоамериканский центр им. Ю. В. Кнорозова РГГУ)

Пещерный памятник Нах-Тунич был важным ритуальным центром паломничества на протяжении II–IX вв., являя собой пример места памяти древних майя, и был расположен в восточной области майя, в департаменте Петен Гватемалы, почти на границе с Белизом. Основной источник информации о функциях и значении памятника в раннее время — археологический материал, а в поздний классический период в пещере начинают появляться иероглифические тексты. Большая их часть — росписи, контурно нанесенные на плоскость стен черной краской при помощи кисти или инструмента похожего на кисть. В качестве пигмента использовался древесный уголь, который оставался на полу после возжигания костров и факелов в результате ритуальной активности. Однако часто в краску попадала глина с поверхности грунта, поэтому некоторые росписи имеют коричневый оттенок.

Иероглифические тексты Нах-Тунича представляют собой особый вид источника, сообщающего о ритуальной деятельности. Согласно указанным календарным датам, создание текстов укладывается в период с 692 г. по 771 г. К сожалению, большая часть текстов была утеряна по естественным причинам (из-за влажного климата пещеры, солевых и минеральных отложений), а также от рук современных посетителей, что явилось причиной закрытия и консервации памятника. На данный момент исследователям доступны лишь фотографии 1988 г., опубликованные в книге А. Стоун¹⁷. В 1998 г. были сделаны мультиспектральные фотографии нетронутых надписей.

Помимо ритуальной значимости, тексты представляют большой интерес для реконструкции политической карты региона майя позднего классиче-

¹⁶ Ibid. S. 105–107.

¹⁷ Stone A. *Images from the Underworld: Naj Tunich and the Tradition of Maya Cave Painting*. Austin, 1995.

ского периода. Тексты содержат упоминания об одиннадцати царствах майя, расположенных от Кампече (Мексика) до границы Гватемалы с Белизом. Содержащаяся информация позволяет судить о династических браках и политических союзах всех упомянутых политий, а также о мобильности майяской элиты того времени, благодаря подробной титулатуре.

Доклад посвящен ранее не интерпретированной короткой надписи (Роспись 44) плохой сохранности, которая состоит из четырех иероглифических блоков, записанных в одну колонку. Сравнение фотографий 1988 г. с мультиспектральными 1998 г. позволило выявить упоминание правителя Бук'а (археологическое название Лос-Алакранес, штат Кампече, Мексика), также носящего титул *Ho-Pet-Huux-Haab-Te'*, связанный с династами из региона Рио-Асуль, в северо-восточном Петене, Гватемала. Данные надписей на керамике позволяют отнести подчинение Хушхабте Бук'ом ко второй половине VIII в.; очевидно к этому же времени относится и Роспись 44. Упоминание правителя Бук'а, что это царство также входило в сложную сеть ритуально-политических коммуникаций, центром которой являлся Нах-Тунич.

Историческое значение появления иероглифа *мань* (蠻) в некоторых надписях на бронзовых предметах царства Цинь

М. С. Целуйко (Школа востоковедения НИУ ВШЭ; ИДВ РАН)

В тексте надписей на бронзовых предметах царства Цинь (VIII–III вв. до н. э.) *Цинь гун чжун* (秦公鍾; «Колокола циньского гуна»), *Цинь гун бо* (秦公罍; «[Колокол] Бо циньского гуна») и *Цинь гун гуй* (秦公簋; «[Сосуд] гуй циньского гуна») встречается иероглиф *мань* (蠻), который обычно обозначает южные не китайские племена. Однако царство Цинь во времена создания этих бронзовых предметов (VII в. до н. э.) находилось в северо-западной части китайской культурной ойкумены. Поэтому появление иероглифа *мань* (蠻) в том контексте, в котором он дан в представленных надписях, требует объяснения, то есть ответа на вопрос: где и как Цинь контактировало с манями на протяжении всего VII в. до н. э. и имеет ли иероглиф *мань* (蠻) этих надписей то же значение, что и обычно. Контекст данного знака в надписях означает, что мы должны изменить либо наше представление о его значении, либо наше представление о территории, контролировавшейся царством Цинь в VII в. до н. э. и об институтах этого царства. Привлечение ранее не переведившихся на русский язык фрагментов письменного памятника Чуньцю Цзочжуань (春秋左传), упоминающих царство Цинь этого времени, позволяет нам разрешить данную научную задачу.

Новые эпиграфические данные о походе войск Тамерлана в Дагестан в 1396 г.

Ш. Ш. Шихалиев (ИБ РАН, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН; University of Amsterdam), И. А. Чмилевская (ИБ РАН)

Летом 2019 и 2020 г. в даргинском селении Кища в Дагестане авторами была исследована группа эпиграфических памятников одного из местных кладбищ. В ходе подробного анализа стилей, форм, надписей надмогильных стел, памятники по характерным особенностям можно разделить на две группы. К первой относятся надмогильные стелы сподвижников местного распространителя ислама Абу Бакар-шейха (ум. в кон. XIII в.), которые после его смерти оставались в селении. Памятники этой группы отличаются художественным разнообразием, богатым орнаментом, имеющем аналогии на Кубачинско-Даргинском нагорье, а надписи на них выполнены в основном почерком «куфи».

Вторая группа надмогильных плит, расположенная на этом же кладбище, отличается отсутствием художественного оформления и обработки камня, а имена захороненных имеют тюркско-персидские корни и не характерны для местной антропонимии. Соединив воедино анализ формы и стиля памятников, а также информацию из письменных источников и местных преданий, удалось провести параллель между второй группой памятников и шестым походом Тамерлана в Дагестан в 1396 г.

Селение Кища, расположенное на старой торговой дороге, соединявшей исторические политические образования Кайтаг и Зирихгеран с даргинскими селами Акуша, Усиша и Муги, оказалось на пути войск Тамерлана, движущихся из Муги в Кайтаг и Зирихгерана (Кубачи). При разорении селения Кища войско Тамерлана понесло некоторые потери, и погибших воинов Тамерлана похоронили на единственном мусульманском кладбище Абу Бакар-шейха. О принадлежности второй группы стел к погибшим воинам Тамерлана указывают несколько взаимосвязанных факторов. Первый — это резко отличающийся от распространенных в этой зоне стиль памятников. Вероятно, после разорения Кища, часть войска, которая штурмовала это село, присоединилась к основному войску Тамерлана, уже осаждавшему соседний Зирихгеран (Кубачи). Ввиду этого, возможно, у штурмовавших сел. Кища не оставалось времени установить на могилах своих павших воинов обработанные, орнаментированные стелы. Практически все стелы второй группы не обработаны, имеют весьма простой, примитивный орнамент, или не имеют его вовсе. Сама форма памятников говорит о том, что стелам не придавалась какая-либо форма, а подбирались более-менее ровные камни. Вторым немало-

важным свидетельством о захоронении на кладбище Абу Бакар-шейха павших воинов Тамерлана, говорит антропонимия погребенных, нехарактерных для местной даргинноязычной традиции. Все памятники этой группы имеют тюркско-иранско-монгольские корни: 'Ага; Гичи («маленький»); Бёру (тюрк. «волк»); сын Сардара, З.Б.Н.Д.Ш.; Юзбашчу (тюрк. «сотник»); Зафар-Лашкар (лашкар — перс. «пеший воин»); Пероз; Хашкура, Дагачу (тюркско-монгольский суффикс «чу/чи»); Кулаху (Хулагу?); Кала Мардан (перс. «человек, мужчина»). Местные жители также определяют эту группу памятников как не местную. Данная группа памятников воинов Тимура, погибших в Дагестане, является на сегодняшний день единственной из известных.